

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Алексей КАЛУГИН

ГОЛЕМ

Сезон Катастроф

Алексей Калугин

Голем

«ЭКСМО»

2013

Калугин А. А.

Голем / А. А. Калугин — «Эксмо», 2013 — (Сезон Катастроф)

На Земле продолжается грозный Сезон Катастроф. На этот раз аномальная зона возникла в маленьком российском городке, и полтора десятка жителей Тринадцатого микрорайона оказались отрезанными от всего остального мира. Пленники аномальной зоны стараются найти выход и замечают, что с ними происходят метаморфозы. Ситуацию может изменить группа «Квест-13», специализирующаяся на таких вещах, но квестеры, похоже, и сами в растерянности. В глубинах мусорной свалки кто-то сооружает колоссальную статую – зачем? И кто такие эти странные вооруженные бомжи, не очень-то похожие на обычных бомжей? Квестеры вновь убеждаются в том, что непонятная Игра, в которую их вовлекли, далека от финала...

© Калугин А. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алексей Калугин

Голем

Разлом шестой.

Зона 45. Кипешма. 13-й микрорайон.

Мусорная свалка

Глава 1

10 мая. Ночь

– Следующая остановка «Тринадцатый микрорайон». Конечная.

Натужно проскрипела закрывающаяся дверь.

– Как конечная?

Косарев всполошенно схватился за поручень, приподнялся с сиденья и глянул по сторонам. В салоне автобуса он остался один.

Подхватив кейс, стоявший рядом на сиденье, Сергей кинулся к кабине водителя.

– Простите! – застучал он согнутым пальцем в закрытое окошко. – Вы сказали?..

Стекло отъехало в сторону:

– Чего?

– Вы сказали, что следующая остановка конечная?

– Точно, – кивнул шофер.

Сергею почему-то всегда было трудно общаться с человеком, лица которого он даже представить себе не мог. Голос у шофера был молодой, а вот лицо расплывалось в полумраке кабины, да еще и двоилось на стекле, через которое смотрел на него Косарев.

Автобус дернулся и поехал, медленно, как-то совсем уж неуверенно набирая скорость.

Сергей бросил взгляд в сторону закрытой двери.

За окнами стеной стояла ночная тьма. Если бы не желтоватые огни, вспыхивающие порой где-то вдали, можно было бы подумать, что автобус утонул в черничном киселе.

Сергей невольно поежился – неприятно даже представить себя пассажиром автобуса, тонущего в киселе. Да еще и едущего, как выяснилось, не в ту сторону.

– Простите, – снова склонился к окошку Косарев, – но мне сказали, что на этом автобусе я смогу доехать до вокзала.

– Точно сказали, – водитель даже не глянул на Сергея. – «Тринадцатый микрорайон» – это на самом деле кольцевая. Понимаешь? – Водитель поднял правую руку и пальцем нарисовал в воздухе круг. Как символ всеобъемлющей пустоты. – Я там разворачиваюсь и еду в обратную сторону. Как раз к вокзалу.

– Понимаю. – Косарев успокоился. – Это я как раз понимаю. Не понимаю, почему мне не посоветовали сразу сесть в автобус, идущий в обратную сторону?

– Потому что его нет, – ответил водитель. – Мой последний на линии. Во сколько у тебя поезд?

– В три двадцать одну, – безразлично, глядя в темноту за окном, произнес Сергей.

Главное он узнал, и продолжение беседы было ему уже не интересно.

– Московский, – сделал абсолютно правильный вывод водитель. – Успеешь. – Он посмотрел на часы. – Сейчас только половина первого.

– Успею, – согласился Косарев.

Он сел на сиденье прямо за кабиной водителя, поставил кейс к окну и приготовился ждать, когда, наконец, автобус доползет до Тринадцатого микрорайона, развернется и покатит обратно, в направлении вокзала.

Что это вообще за место такое, Тринадцатый микрорайон? И зачем туда ехать, если других пассажиров в автобусе все равно нет. Развернуться, что ли, негде?

Сергей приблизил лицо к темному стеклу и ладонями прикрыл с боков глаза от тусклого света в салоне. Нет, все равно ничего не было видно. Зато трясло и подбрасывало автобус так, будто ехал он не по асфальтовому шоссе, а по заброшенному проселку.

Интересно, сколько еще до этого Тринадцатого микрорайона? – подумал Сергей. Может быть, есть время вздремнуть? А то ведь целый день на ногах, пообедавший толком не успел. Нужно только попросить водителя посигналить, когда к вокзалу подъезжать будет.

Внезапно автобус резко наклонился вперед. Движение его замедлилось. Мотор заревел вроде как с обидой даже, протащил как на волнах раскачивающуюся из стороны в сторону машину еще несколько метров и заглох.

Сергей одной рукой ухватился за ручку кейса, другой – за поручень. Он попытался подняться, но автобус начал заваливаться на левый борт, и Косарев снова упал на сиденье.

– Что случилось? – крикнул Сергей, в надежде, что водитель услышит.

– А черт его знает! – ответил тот.

Автобус снова качнуло из стороны в сторону.

– Мы стоим или?.. – Сергей умолк на середине фразы.

В самом деле, какое еще могло быть «или»?

Заскрипев, открылась передняя дверь.

Косарев бросился было к ней, но замер, увидев, что ступени заливают темно-коричневая жижа.

Из кабины высунулся водитель. Молодой парень, должно быть, ровесник Сергея.

– Ух ты! – только и сказал он, взглянув на то, что происходило в дверях.

Жижа между тем поднималась, заливая ступеньку за ступенькой.

Водитель выскочил из кабины, держа в одной руке сумку на ремне, вроде армейского планшета, в другой – джинсовую куртку. Ухватившись за поручень, он выглянул за дверь и смачно выругался.

– Попали, – сказал он, глянув на единственного пассажира.

– Куда? – испуганно выдохнул Косарев.

– К черту на рога, – более чем определенно ответил шофер.

Коричневая жижа потекла по полу салона.

Глядя на нее, Сергей попятился.

Водитель присел на корточки и потрогал жижу пальцем.

– Горячая, – сообщил он. – Да не бойся ты, – добавил водитель, заметив, как побледнело лицо пассажира. – Это ж грязь обыкновенная.

– Грязь? – растерянно переспросил Сергей.

То, что происходило, никак не вязалось в его представлении с таким простым и обыденным понятием, как «грязь».

– Грязь, – авторитетно заверил его водитель. – Только ее очень много.

Под днищем автобуса что-то не то ухнуло, не то чмокнуло, и машина просела сразу на несколько сантиметров.

– На крышу нужно выбираться. – Водитель кинул вещи на сиденье и начал открывать аварийный люк.

Сергей с ужасом смотрел на свои ноги, которые уже по щиколотку были погружены в жидкую грязь. И она ведь действительно была горячая! Нет, подумал Косарев, в средней полосе

России такого не бывает. Это в Исландии есть горячие грязевые озера. Еще на Камчатке... Вроде бы... А здесь, в Кипешме, всего-то в десяти часах езды от Москвы...

Водитель откинул крышку люка и махнул Сергеем рукой:

– Давай!

Автобус снова начал заваливаться вперед, и, чтобы не упасть, водителю и пассажиру пришлось ухватиться за поручни.

Перебирая руками, Сергей начал двигаться в сторону открытого люка.

И в этот момент в салоне погас свет.

Это оказалось последней каплей, после которой Косарев окончательно утратил веру в реальность происходящего. Автобус, тонущий в жидкой грязи на окраине пусть и небольшого, но все же отмеченного на карте города, – это мог быть дурной сон, горячечный бред, наведенный морок, да все, что угодно, только не реальность. Сергей прижался горячим лбом к холодному металлическому поручню и тихо заскулил.

– Да что ты там телишься! – прикрикнул на него водитель. – Иди сюда, а то поздно будет!.. Кабину уже почти залило!

Перспектива утонуть в горячей грязи, пусть даже во сне, показалась Косареву не самой лучшей, и, скользя ногами по наклонному полу, перебирая руками поручни, он начал съезжать в направлении кабины водителя.

– Стой! – поймал его за руку невидимый в темноте водитель. – Выбирайся на крышу, я тебя подсажу.

Сергей поднял голову и увидел над собой квадрат, в котором мерцали звезды.

Грязь уже доходила до колен.

Водитель забрал у Сергея кейс, помог ему забраться на сиденье и посадил к люку.

Пока Косарев карабкался наверх, автобус еще раз как следует качнуло, и крен вперед выровнялся. Что было весьма кстати, иначе бы Сергей съехал с крыши. Но при этом машина начала быстро погружаться в жидкую грязь. Что было совсем неприятно.

Оказавшись на крыше, Косарев принял кейс и вещи водителя, после чего тот и сам, не мешкая, вылез из тонущего автобуса. Потопав, чтобы хоть немного стряхнуть налипшую на брюки и ботинки грязь, он уселся на краю люка, скрестив ноги по-турецки.

– Ну и попали мы с тобой, – сказал он.

При свете луны и звезд Косарев различал фигуру водителя, но не видел его лицо. Однако ему показалось, что водитель улыбнулся, а может быть, даже подмигнул ему.

– Вы находите наше положение забавным? – процедил сквозь зубы Сергей.

Он и сам не понимал, злость в нем играет или испуг. Скорее всего, и то и другое. А может быть, что-то третье, чему он названия не мог дать, поскольку никогда прежде не оказывался в ситуации вроде нынешней.

Чужой город. Ночь. Тонущий в грязи автобус...

Бред!

Хотя расскажи кому пару лет назад о том, что Старая Москва окажется затопленной, тоже ведь никто не поверил бы.

Водитель встал на четвереньки, подполз к краю крыши, щелкнул зажигалкой и посмотрел вниз.

– Смешно будет, когда грязь поднимется выше крыши автобуса, – сказал он.

– Много осталось? – спросил Косарев, которому их положение вовсе не казалось забавным.

Сам он почему-то не хотел видеть, что происходит за бортом тонущего автобуса. Может быть, боялся, что это окончательно подорвет его веру в реальность?

– Примерно полметра. – Водитель погасил зажигалку и вернулся на прежнее место. – Чего стоишь-то? – снизу вверх глянул он на Косарева. – Садись. Или не находился за день?

– Да какое там, к черту, «садись»! – взорвался Сергей. – Какое, на фиг, «садись»? Мы же тонем!

Водитель наклонил голову к плечу. Внезапный эмоциональный всплеск товарища по несчастью вызвал у него неподдельный интерес.

– И что? – спросил он.

– Нужно что-то делать! – взмахнул руками Сергей.

– Есть конкретные предложения?

Сергей выхватил из кармана мобильник. Нажал кнопку снятия блокировки. Сети не было.

– Проклятие!

Сергей принялся размахивать телефоном над головой, надеясь поймать сеть.

Глядя на него, водитель тоже достал из кармана мобильник.

– Мой тоже не ловит, – сообщил он.

Косарев в отчаянии обхватил голову руками.

– Давай-ка, садись, – водитель похлопал ладонью по гулкой крыше. – Подумаем, что делать.

Косарев обреченно вздохнул и уселся по другую сторону люка.

– Как тебя зовут-то? – спросил водитель.

– Сергей, – ответил Косарев. – Сергей Леонидович Косарев.

– Ну, а я – Володя, – представился водитель. – Фамилия Шумилов. И давай, если не возражаешь, сразу на «ты».

Косарев безразлично дернул плечом. Какая разница, если этот Володя «тыкал» ему с самого начала. Видно, у всех водителей манера такая.

– Ты, Сережа, как я понимаю, приезжий?

– Ну и что с того? – Косарев ударил кулаком по крыше автобуса.

Крыша гулко ухнула в ответ.

– Да ничего, – развел руками Володя. – Я просто разговор пытаюсь завести. Нам ведь тут сидеть еще часов пять, а то и поболее.

– Это как же ты высчитал?

– Сейчас без десяти час. Светает в шесть. Как рассветет, увидим, куда это мы влетели. Если сможем, выберемся сами. Нет – придется людей ждать. А они раньше семи точно не появятся.

– А если автобус к тому времени полностью утонет?

– Ну, в нас еще и собственный рост есть. Хотя... – Володя склонился над люком и снова щелкнул зажигалкой. – Грязь поднялась совсем немного, – сообщил он. – Но, по-моему, она горячей становится.

Склонившись над люком, Сергей почувствовал, как в лицо ему пахнуло горячим, смрадным испарением.

– Гадость какая! – зажав нос ладонью, отшатнулся Косарев. – Что это такое?.. Мы что, сбились с пути?

– Смеешься? – с обидой в голосе спросил Володя. – Я это место сегодня семь раз проезжал, туда и обратно. Лужа здесь была. Большая, но неглубокая.

– А сейчас что?

– Ты у меня спрашиваешь?

– А у кого же еще? Ты здесь каждый день ездишь, а я вообще первый раз в вашем городе.

– Да, на поезд ты теперь опоздаешь, – с сочувствием покачал головой Володя.

– Черт с ним, с поездом. – Сергей плюнул в раскрытый люк. – Новый билет куплю. Лишь бы выбраться отсюда.

– Ну, конечно, выберемся, – заверил его Володя. – Как же иначе?

Сергей посмотрел по сторонам. Темнота. Ни единого огонька во мраке. Ни проблеска. Только луна и звезды над головой.

– Место какое-то глухое, – зябко передернул плечами Косарев. – На город не похоже.

– Тринадцатый микрорайон, – произнес Володя так, словно это все объясняло.

– Здесь что, никто не живет?

– Ну, можно и так сказать. – Володя накинуд на плечи джинсовую куртку, достал из кармана сигарету и, щелкнув зажигалкой, прикурил. – Когда рассветет, сам увидишь, что это за место. Говорят, что лет двести, а то и поболее тому назад здесь было кладбище. Потом, уже перед самой революцией, кладбище, ну, вернее, то, что от него осталось, срыли, а на его месте устроили городскую свалку. Сто с лишним лет сюда свозили мусор со всего города, прессовали и укладывали ряд за рядом, один слой на другой. – Демонстрируя, как именно складировался городской мусор, Володя сделал несколько круговых горизонтальных движений раскрытой ладонью, как будто что-то приглаживал. – Наверное, если до самых нижних слоев докопаться, много интересного найти можно. В историческом плане. Да только археологическими изысканиями заниматься никто не стал. Два года назад какая-то частная строительная контора взялась построить на месте свалки жилой район. В плане, так сказать, муниципальной застройки.

– А мусор как же? – поинтересовался Косарев.

– С мусором, понятно, нужно было что-то делать. – Володя затаился в последний раз и кинул окуроч в открытый люк. – Поначалу хотели все на своем месте оставить. Засыпать мусорные завалы песком, выровнять, затем чернозема привезти, деревьев, кустиков, травки посадить и среди всего этого благолепия начать строительство. Но какой-то из комитетов этот проект утверждать отказался напрочь. Тогда решили мусор убрать.

– И куда же убрали залежи мусора, накопившегося за сто лет? – удивился Косарев.

– Вот то-то и оно, что некуда оказалось, – кивнул Володя. – Но строители техники понагнали и небольшую площадку на краю свалки все-таки расчистили. Видно, задумка у них была такая: сначала пару-тройку домов на краю свалки построим, квартиры продадим, вот и будут деньги на то, чтобы новую площадку под строительство расчистить. А вот не получилось! – Володя хлестко ударил ладонью о ладонь. – Поначалу-то вроде как все нормально двигалось. Даже автобусный маршрут к строящемуся микрорайону протянули. Но когда первый дом уже был закончен и два других кверху тянуться начали, вышла у фирмачей какая-то затыка. В чем там дело было, точно не знаю. Кто-то говорит, что строительная фирма подзалетела на каких-то финансовых махинациях, и хозяева ее вместе с деньжатами быстренько за кордон слиняли. По другой версии, строительство Госсанэпидемнадзор запретил. Вроде как нашли на месте свалки какую-то гадость, с человеческой жизнью несовместимую. Но лично я думаю, что ерунда все это. Были бы у фирмы деньги, так и до врачей бы им никакого дела не было. Одним словом, весь Тринадцатый микрорайон – это один новенький девятиэтажный дом и два незаконченных каркаса. Которые, скорее всего, никто уже достраивать не станет, потому что по решению городских властей с завтрашнего дня даже автобус туда ходить не будет. Мой рейс сегодня последний был. И вот, надо же, так вляпался.

Последнюю фразу Володя произнес не с обидой, не с горечью, не с досадой даже, а совершенно спокойно, просто констатируя факт. Ну, вляпался, мол, и вляпался – с кем не бывает?

У Косарева мысль работала в ином направлении.

– Но если здесь никто не живет, значит, и помочь нам никто не сможет. – Сергей вновь почувствовал признаки приближающейся паники, которые почти сошли на нет, пока он слушал Володин рассказ. – А если так, – произнес он совсем уж упавшим голосом, – значит, мы утонем в жидкой горячей грязи.

Ужасная перспектива, что и говорить.

Сергей прикрыл глаза, пытаясь мысленным взором углядеть золотистый пляж с набегавшими на песок прозрачными синими волнами. Но даже с опущенными веками он видел вокруг

себя только грязь. Черную, вонючую, горячую – почему, черт возьми, она еще и горячая? – грязь.

– Нет, люди здесь живут, – спокойно возразил ему Володя. – Их просто немного, человек двадцать. Все больше пожилые – спят уже давно. Зато просыпаются рано.

– И что же, мы с утра пораньше орать начнем?

– Посмотрим. Может, кто из дома выйдет. Тогда и орать не придется.

Какое-то время они сидели молча.

Володя снова закурил. Предложил сигарету Сергею. Но Косарев отказался. Он вот уже год, как бросил курить, и пока не видел достаточно веской причины начинать это дело заново.

– Сколько времени? – спросил Косарев.

Володя щелкнул зажигалкой и посмотрел на часы:

– Половина третьего.

– А что за бортом?

Володя приподнялся и наклонился над люком.

– Прибывает, – сказал он. – Но медленно. Если будет продолжаться в том же темпе, до утра дотянем.

– Должно же быть у этой ямы дно, – буркнул Сергей.

– Должно, – согласился Володя. – Но может и не оказаться.

– Это как же? – не понял Косарев.

– Откуда здесь взялась эта яма?

– Не знаю.

– Ну вот.

Что означало это «вот», Сергей не понял. Но решил не уточнять.

Володя и сам не знал ответа на свой вопрос. Но от природы ему был свойствен оптимистичный взгляд на все, что происходило вокруг. Еще в детстве, когда он расстраивался по поводу полученных в школе плохих отметок, дед говорил ему: «Запомни, Вовка, если расстраиваться из-за всякой ерунды, то эдак свихнуться можно». После чего дед поднимал кривой указательный палец с пожелтевшим от табака ногтем и многозначительно изрекал: «Мир устроен сикось-накось». Тогда Володя еще не понимал, что такое «сикось-накось», но дедова философия ему нравилась, потому что была проста и могла объяснить практически все, включая законы дарвинизма, теорию относительности Эйнштейна и принцип Паули. А со временем он и сам смог убедиться в том, насколько прав был дед в своих выводах по поводу основ мироздания.

– Ты сам-то по какой нужде к нам прибыл? – спросил Володя у грустно притихшего товарища по несчастью.

– В командировку, – ответил Сергей, не поднимая головы. – Всего на один день.

– В командировку, говоришь. – Володя озадаченно потер подбородок. – А что за дело, если не секрет?

– Да какой там секрет, – вяло махнул рукой Косарев. – Я в проектно бюро работаю. Привез документацию, которую мы для вашей фабрики подготовили. «Главстальнефтьбумпластик» – знаешь такую?

– А как же! Это у нас главное предприятие в городе. Вернее, последнее из тех, что осталось.

– Слушай, – Сергей решил задать вопрос, который интересовал его с тех самых пор, как он побывал на фабрике, – а что эта ваша «Главстальнефтьбумпластик» выпускает?

Володя озадаченно поскреб в затылке. Вопрос оказался совсем не так прост, как полагал Косарев.

– Понятия не имею, – покачал головой Володя. – Даже не задумывался никогда над этим. Но раз работает, значит, что-то же выпускает. Верно?

– По-разному бывает, – ушел от прямого ответа Косарев.

Ему-то как раз доводилось видеть огромнейшие предприятия, которые работали на полную катушку, скрипя, гремя и коптя небо дымом, но при этом ничего не выдавая на выходе. Какой в этом был смысл? А никакого. Ну почему, скажите на милость, во всем нужно непременно искать какой-то смысл? Вот птаха села на ветку и зачирикала. С чего бы вдруг? А просто так!

Темы для разговоров между двумя незнакомыми людьми, волею случая оказавшимися вместе, исчерпались. Можно было, конечно, поговорить о погоде, но это было бы уже слишком. Все равно что обсуждать меню ресторана «Пекин», находясь одиннадцатые сутки после кораблекрушения на плоту в открытом океане, без руля и ветрил, и даже без компаса.

Володя еще время от времени курил, а Сергею так и вовсе нечем было заняться. Если бы у него была зажигалка, он мог бы заглядывать в люк, чтобы проверять, высоко ли поднялся уровень затопившей автобус грязи. Но зажигалка была у Володи, и он каждый раз, прикурив, глядел вниз. Обычно после этого он ничего не говорил. А Сергей ни о чем не спрашивал. Таким образом можно было поддерживать иллюзию неизменности «статус-кво».

Но как долго это могло продолжаться?

Глава 2

10 мая. Утро

Когда небо начало светлеть, Сергею стало казаться, что крыша автобуса едва заметно кренится назад. Он сказал об этом Володе. Тот сразу поднялся на ноги, прошелся по крыше из конца в конец и сказал, что, да, автобус действительно заваливается назад.

Еще через полчаса стало светло настолько, что попавшие в ловушку пассажир и водитель автобуса смогли воочию оценить уровень постигшей их беды.

Тринадцатый микрорайон располагался на участке земли в форме полумесяца с почти смыкающимися кончиками рогов. По всему периметру тянулась стена спрессованного десятилетиями мусора, при одном лишь взгляде на которую всплывали воспоминания о древних мегалитических постройках, вроде египетских пирамид, Баальбекской платформы или Великой Китайской стены. Несмотря на то что для создания этого колосса были использованы тысячи различных материалов, которым человеческие руки придали самую причудливую форму, стена казалась монолитной. Незыблемой. Казалось, ни время, ни стихии были не властны над ней. Основание ее, должно быть, на несколько метров уходило в землю, а вершина метров на семь-восемь возносилась над крышей единственного достроенного дома в девять этажей.

Когда Сергей как следует рассмотрел это восьмое чудо света, созданное человеческими руками, у него перехватило дыхание. От восторга при мысли о всеокрушающей силе человеческого разума, а может быть, от ужаса при осознании того, что содеяно сие было существами, принадлежащими к одному с ним биологическому виду.

С городом Тринадцатый микрорайон соединял узкий проход, расположенный в том самом месте, где рога полумесяца почти сходились. Посреди него-то и застрял рейсовый автобус, с сегодняшнего дня уже снятый с маршрута. А застрял он потому, что там, где прежде пролежала мостовая, от края и до края разливался поток жидкой грязи, на поверхности которого то и дело вспучивались и с омерзительным чмоканьем лопались влажные липкие пузыри.

– Не хило! – присвистнул Володя, оценив обстановку. – В жизни столько грязи за раз не видел!

Старенький автобус был не в состоянии перепрыгнуть залитый грязью участок шириной метров шесть-семь, отделявший его от обломанного, точно плитка шоколада, края асфальтового покрытия, с которого он съехал в провал. А это означало, что процесс размывания грунта продолжался и после того, как автобус начал тонуть в жидкой грязи. С той стороны, где находились дома, расстояние до заасфальтированного участка дороги было поменьше, метра три. Но для людей, оказавших на крыше автобуса, это было все равно что от Земли до Луны.

– Давай-ка переберемся вперед, – предложил Володя, когда автобус накренился настолько, что задний скат его крыши оказался вровень с грязевой поверхностью.

Сергей посмотрел на часы. Начало седьмого.

– Когда же народ проснется? – подумал он вслух.

– Первый автобус подъезжает к остановке «Тринадцатый микрорайон» в семь восемнадцать, – ответил Володя. – Обычно его уже ждет один студент-очкарик.

– А где остановка? – Сергей посмотрел по сторонам, надеясь увидеть павильон или хотя бы вывеску.

– Да потонула она, Сережа, – с чувством произнес Володя.

– К началу восьмого и мы, на фиг, потонем, – уверенно заявил Косарев.

– Ну, может, еще и не потонем, – попытался оспорить столь безапелляционно сделанное заявление Володя.

– Мы уже сейчас тонем! – Сергей ткнул пальцем в грязь, которой оставалось подняться всего на семь-восемь сантиметров, чтобы залить задравшийся передний край крыши. – Пора на помощь звать!

– Нет, – помотал головой Володя. – Пока не стоит. Люди спят еще. Представляешь, какое у тебя было бы настроение, если бы с утра пораньше тебя разбудили истошные крики двух идиотов: «Помогите! Тонем!»

– Но мы действительно тонем!

– Да, вот только никто, кроме нас, не знает, как можно утонуть на суше.

На это Сергей не нашел что возразить. Действительно, глупая ситуация.

– Что ты будешь делать, когда мы отсюда выберемся? – спросил Володя.

– Отправлюсь на вокзал и куплю билет на ближайший поезд до Москвы, – буркнул Сергей.

– Позвонить надо домой, чтобы не беспокоились, – напомнил Володя.

– Я живу один. – Сергей по-прежнему смотрел в сторону. Хотя там и не было ничего интересного. – Мать знает, что я часто по командировкам мотаюсь... Мы, бывает, по полгода друг другу не звоним.

– А на работе?

– Я работаю по договору. Не сделал свое дело, значит, деньги не получил. Вот и все. Искать точно никто не станет. Вот если бы я документацию на фабрику передать не успел, тогда другое дело.

– У меня примерно та же ситуация, – уныло кивнул Володя. – Не явился на работу – рассчитают без выходного пособия, и будь здоров.

– Зато автобуса, наверное, хватятся, – усмехнулся Сергей.

– Вряд ли, – с сомнением покачал головой Володя. – Машина старая, ломается без конца. В автопарке решат, что на ремонт поставили. А через полгодика и вовсе спишут. Чего искать-то, если все равно металлолом.

– Да-а, – задумчиво и грустно протянул Сергей. – Помнишь, в школе сочинения писали про лишних людей?

– А то как же, – улыбнулся Володя. – Печорин, Онегин... Хотя, по мне, так оба они... – Не закончив фразу, водитель безнадежно махнул рукой.

– Выходит, мы с тобой тоже лишние, – сказал Сергей.

Володя удивленно посмотрел на собеседника:

– Это в каком таком смысле?

– А в таком, что, исчезни мы, и никто нас даже искать не станет. Никому мы не нужны. А значит – лишние.

– Не-е, – несогласно помотал головой Володя. – Мне такое определение не нравится.

– Не нравится так не нравится... – Косарев развел руками. – Придумай другое.

– Лишние...

Володя озадаченно поскреб ногтями щеку. Достал из кармана сигарету. Закурил. Быть может, поразмыслив как следует, он и в самом деле придумал бы какое-нибудь новое, не столь затертое и не такое обидное определение для людей, чей социальный статус не соответствовал той пользе, которую они приносили обществу. Не столько даже в материальном плане, сколько самим фактом своего существования. Владелец фабрики ведь не сядет за руль автобуса, чтобы утром доставить своих работников на работу, а вечером развезти их по домам. Вот и получается, что водитель автобуса...

Не особенно плавный ход Володиных мыслей оборвался, едва хлопнула дверь подъезда девятиэтажного дома. На улице появился молодой, очень молодой человек, одетый в светло-

серый костюм, в очках, с ярко-желтой сумкой на плече. Сначала он посмотрел на часы, потом на небо, как будто хотел сверить ход механизма с положением восстающего над гигантской мусорной кучей солнца, и не спеша направился туда, где, по словам Володи, еще вчера вечером находилась автобусная остановка. Людей, сидящих на крыше утонувшего в грязи автобуса, он как будто не замечал.

– Эй! – поднялся на ноги Володя.

– Эй! – вскочил следом за ним Сергей.

– Мы здесь!

– Здесь мы!

– Помогите!

– Помогите нам!

Молодой человек остановился и в немом изумлении уставился на едва не приплясывающую от нетерпения парочку.

Должно быть, от резких толчков автобус снова начал погружаться в грязь. Медленно, но конкретно.

– Да быстрее же! – замахал руками Сергей.

– Ты что, не видишь, мы же тонем! – вторил ему Володя. – Не стой как истукан! Позови кого-нибудь, если сам не знаешь, что делать!

На шум распахнулось окно на втором этаже.

– Что за крики? – просипел выглянувший в окно старик.

– Да вот, – робко указал на попавших в ловушку молодой человек, – люди тонут.

– Как это тонут? – заворчал старик. – Где?

– Да вот же... – Молодой человек пристально посмотрел на Сергея и Володю, словно хотел удостовериться, что они ему не мерещатся. – В луже...

– В луже тонут? – повторил недоверчиво старик.

– Да какая это, на фиг, лужа! – возмущенно заорал Володя. – Тут кипятки вокруг! Ежели не утонем, так сваримся! Делайте же что-нибудь! Доски притащите, что ли!

– Не ори! – осадил Володю пенсионер со второго этажа. – Ща спущусь, посмотрю, что там у вас.

Окно захлопнулось.

Обеими руками прижимая сумку к животу, молодой человек стал медленно приближаться к участку, где властвовала грязь.

– Ну, что? – раскинул руки Володя. – Оценил обстановочку?

– Простите, – негромко произнес молодой человек. – А где же теперь автобусная остановка?

– Нет ее, – махнул рукой Володя. – Утонула, на фиг!

– А как же тогда автобус?..

– Вот он, автобус! – Володя подпрыгнул и стукнул каблуком по крыше автобуса. В ответ жидкая грязь поднялась еще на полсантиметра. Так казалось, хотя на самом деле это автобус погружался в грязь. – Тоже утонул, вместе с остановкой! И другого уже не будет!

– Почему?

– Сняли маршрут! Никому ваш Тринадцатый микрорайон не нужен!

Молодой человек озадаченно сжал пальцами подбородок:

– Да, но до следующей остановки километров десять...

– Тринадцать, – уточнил Володя. – Дотопать, конечно, можно, но ты не очень-то обнадеживайся. Прежде чем на дорогу выйти, тебе предстоит горячий грязевой разлив переплыть. Или перепрыгнуть... Ты, часом, не чемпион по прыжкам в длину?

– Нет, – качнул головой молодой человек. – Я студент.

– Ну, раз так, – развел руками Володя, – считай, студент, что у тебя академический отпуск.

– У меня зачет, – уточнил студент.

– Завалил, – безнадежно махнул рукой Володя.

Студент спорить не стал.

Из подъезда бодрым шагом вышли пятеро человек, возглавляемые стариком со второго этажа. Чуть погодя из-за угла дома выбежала девушка в синем платье и присоединилась к группе.

Команда жильцов подошла к обломанному краю асфальтового покрытия.

– Это что ж такое делается? – озадаченно сдвинул брови старик со второго этажа, разглядывая поток булькающей грязи у себя под ногами.

Другой пожилой мужчина, в темно-малиновом домашнем халате, присел на корточки, достал из кармана карандаш и сунул незаточенный конец в грязь. Затем вытащил и понюхал. Поморщился недовольно.

– Эй! – хлопнул в ладоши Сергей. – На нас обратите внимание!

– А вы кто еще такие? – строго посмотрел на Володю с Сергеем старичок с военной выправкой, одетый в синий китайский спортивный костюм.

– Я – водитель автобуса, – представился собравшимся Володя. – А это, – указал он на Косарева, – пассажир.

– Мы тут всю ночь сидим, – пожаловался Сергей.

– То есть автобус утонул? – уточнил бывший военный.

– Конечно, утонул, Гелий Петрович, – ответил ему мужчина в халате. – Не улетел же.

– А я не у вас спрашиваю, Лев Иммануилович, – гордо вскинул подбородок Гелий Петрович. – Пусть вот они, – последовал жест в сторону тонувших, – мне и ответят.

– Да боже ж ты мой! – в отчаянии схватился за голову Володя. – Вы что, не видите, мы ведь потонем скоро!

– Вытащите нас отсюда, и мы ответим на все ваши вопросы! – поддержал товарища по несчастью Сергей.

– А ведь верно, – кивнул старик со второго этажа. – Спасать ребят надо.

– Так! – хлопнул в ладоши Гелий Петрович. – Студент, – пальцем указал он на молодого человека, – бросай портфель и дуй в подвал второго дома. Там доски есть. Тащи самую длинную.

– Я один не донесу, – тихо произнес студент, посмотрел на девушку в синем платье и покраснел.

– Возьми с собой Олега Игоревича, – распорядился Гелий Петрович.

– А почему я?! – возмутился старик со второго этажа. – Ответьте, Гелий Петрович! Почему я?

– Да прекратите вы! – прикрикнул на брюзжащих стариков Косарев. И когда они, умолкнув, разом посмотрели на него, тихо добавил: – Сходите же, наконец, кто-нибудь за досками.

Студент поставил сумку на асфальт и пошел в сторону недостроенного дома. За ним, что-то ворча себе под нос, потопал Олег Игоревич.

Из подъезда жилого дома вышли еще трое человек.

– Интересно, откуда здесь столько грязи? – задумчиво произнес один из оставшихся возле разлива пенсионеров. – Вчера ведь только лужа небольшая была. Вы не знаете? – Он посмотрел на Володю с Сергеем.

– Понятия не имею, – развел руками Володя. – Лучше примите-ка пока вещички.

Он размахнулся и кинул на асфальт свою сумку, за ней последовал кейс Косарева.

– А документики у вас имеются? – поинтересовался подозрительный Гелий Петрович.

– А что, если нет? Вы нас к себе, на твердую землю, не пустите?

Гелий Петрович кашлянул в кулак:

– Бдительность никогда не бывает лишней. Сами знаете, какое сейчас время...

– Какое? – поинтересовался Косарев.

– Какое, какое... – страшно вытаращив глаза, забухтел Гелий Петрович. – Смутное, вот какое!

Вернулись Олег Игоревич со студентом.

Толкаясь и мешая друг другу, старики и примкнувшая к ним довольно бойкая бабуля, которую, как позднее выяснилось, именовали Марией Тимофеевной, принялись пристраивать принесенную доску.

Усердия было проявлено много, но доска все равно оказалась на двадцать сантиметров короче требуемой длины.

– Так! – выпятил грудь Гелий Петрович. – Немного оттянем доску назад, так, чтобы конец ее уверенно лежал на асфальте.

– А толку-то? – сплюнул на асфальт Олег Игоревич.

– На доску сядет самый тяжелый из нас, – заявил Гелий Петрович.

– Стало быть, вы, Гелий Петрович, сами и сядете? – вкрадчиво поинтересовался Виктор Николаевич.

– Почему я? – искренне удивился Гелий Петрович. – У нас Мария Тимофеевна имеется. Все посмотрели на бабулю.

Мария Тимофеевна подтянула кончики платочка и, вскинув подбородок, по-комсомольски задорно выкрикнула:

– Ради общего дела я согласна!

– Ну, посадим мы Марию Тимофеевну на один конец доски, и что дальше? – спросил Олег Игоревич.

– А дальше парни, – Гелий Петрович указал взглядом на потерпевших, – на другой конец доски прыгнут. По очереди, разумеется.

– Ничего не выйдет, – мрачно объявил студент.

– Это почему же? – с вызовом глянул на него Гелий Петрович.

– Закон физики, – развел руками парень. – Противоположный конец рычага гораздо длиннее получается, а значит, Мария Тимофеевна не сможет удержать его в равновесии.

– Н-да, – задумчиво изрек Лев Иммануилович. – Пожалуй, Саша прав.

– Ну так притащите другую доску! – не потребовал, а взмолился Сергей.

– Другой нет, – с сожалением развел руками Олег Игоревич. – Мы с Сашком самую длинную выбрали.

– У меня в магазине стремянка есть, – неуверенно произнесла молчавшая все это время девушка в синем платье. – Большая. Может быть, если ее разложить, так и достанет?

– Стремянку сюда! – тут же скомандовал Гелий Петрович.

– Вот вы и идите! – с вызовом бросил ему Олег Игоревич. – Я уже доску принес.

– Что ж, – Гелий Петрович, будто военный китель, одернул на себе спортивную куртку, – если добровольцев нет... – Он обвел всех собравшихся укоризненным взглядом. – Идемте, Олечка.

– Я тоже с вами, – сказал студент Саша и покраснел.

– Вперед! – махнул рукой Гелий Петрович и, возглавив шествие, затопал в сторону жилого дома.

Оставшиеся на краю грязевого разлива жители Тринадцатого микрорайона то с сочувствием смотрели на Сергея с Володей, то с интересом, оценивая, – на участок автобусной крыши, остававшийся у тех под ногами, который съезжился буквально на глазах, будто пресловутая шагреневая кожа. А Мария Тимофеевна еще и протяжно охала время от времени, что придавало всему происходящему траурную окраску. Казалось, никто уже не верил,

что несчастных удастся переправить на твердую землю. Кроме самих несчастных, разумеется. Человек способен верить в спасение, даже когда видит перед собой разинутую пасть льва. Кто знает, может быть, у зверя сегодня просто дурное настроение, не выспался, утром встал не с той ноги, вот и рычит почему зря. Хотя подобный оптимизм чаще всего весьма скоротечен.

По счастью, отправившуюся за стремянкой компанию ждать долго не пришлось. Люди вернулись, неся с собой раскладную металлическую лестницу, на одной половине которой имелись широкие ступени, другая же служила просто для опоры. Отсоединив крепеж, соединявший обе части стремянки, пенсионеры разложили ее на асфальте и стали двигать в сторону крошечного островка, оставшегося на месте затонувшего автобуса. И – о радость! – длины лестницы оказалось достаточно для того, чтобы один ее конец удалось уложить на все еще выглядывающий из грязи край автобусной крыши, другой же при этом уверенно упирался в асфальтовое покрытие.

Первым, руками и коленями опираясь на две горизонтальные перекладины, перебрался на твердую почву Сергей.

Володя проделал то же самое более элегантно, оставаясь в вертикальном положении.

Едва спасенные оказались на суше, как их тут же принялись радостно хлопать по плечам и спине и говорить какие-то добрые слова. Наверное, примерно так же в свое время встречали снятых с льдины челюскинцев. А Сергей с Володией так же себя и чувствовали.

И вдруг, в минуту полнейшего разгула всеобщего счастья, громко запричитала Мария Тимофеевна:

– Ой, да вы только гляньте, люди добрые! Вы гляньте только!

Все разом посмотрели на бабушку. Затем перевели взгляды туда, куда указывал ее палец.

Горячая жидкая грязь полностью поглотила автобус, которому и без того уже не суждено было ходить маршрутом до остановки «Тринадцатый микрорайон».

Почти мгновенно произошло всеобщее отрезвление.

Стремянку, пока она еще не утонула, выволокли из грязи, кое-как почистили и с благодарностью вернули Ольге. Помочь ей донести лестницу до магазина пообещал Саша.

А что же дальше?

Дальнейшее требовало осмысления того, что произошло.

– Что сие означает? – сурово сдвинул брови Гелий Петрович.

– Вы у меня спрашиваете? – криво усмехнулся Володя.

– Хорошо, поставим вопрос иначе, – не стал проявлять настойчивость Гелий Петрович. –

Как вы оказались в этом грязевом потоке?

– Я водитель автобуса, – ответил Володя. – А Сергей ехал в этом автобусе.

– В каком еще автобусе? – спросил Виктор Николаевич.

– В том самом, с крыши которого вы нас сняли!

Пауза!

Все удивленно, а кто-то немного растерянно, смотрели на растекающуюся грязь.

– Вы хотите сказать, – медленно произнес Лев Иммануилович, – что там, – он указал пальцем в центр грязевого озера, – утонул целый рейсовый автобус?

– Именно, – подтвердил Володя. – И автобусная остановка в придачу.

– Но это же черт знает что такое! – возмущенно всплеснул руками Олег Игоревич.

– Абсолютно с вами согласен, – кивнул Сергей. – Я, между прочим, из-за этого безобразия на поезд опоздал.

– Бедненькие! – воскликнула Мария Тимофеевна. – Вы что ж, всю ночь тут так и сидели?

– Ночью было еще страшнее, – честно признался Сергей. – Потому что не видно было ничего вокруг.

Словно в подтверждение его слов, с противоположного берега грязевого разлива обрушился приличный кусок земли с асфальтовым покрытием на ней. Ширина проема, отделяю-

щего злосчастный Тринадцатый микрорайон от города Кипешма, а заодно и от всего остального мира, и без того уже превышавшая десять метров, имела явную тенденцию к росту.

– Нечего здесь торчать, – засуетилась Мария Тимофеевна. – Идемте-ка! – Она подхватила спасенных под руки и повела их к дому. – Я вчера пирогов напекла, с капусткой, с лучком, с яичками. Чайку с пирожками попьете, а потом спать вас уложим.

– Простите, – на ходу обратился к сердобольной старушке Володя, – а позвонить от вас можно? Я ведь с рейса не вернулся...

– А нету у нас телефонов, – ответила Мария Тимофеевна. – Не подвели еще линию. И телевизоры тоже не работают. Хорошо еще, что электричество и горячая вода есть.

– Может быть, у кого-нибудь есть мобильник? – посмотрел на сопровождавшую их группу пенсионеров Володя. – Вы не волнуйтесь, я заплачу... А то мой здесь сеть не ловит.

– Мобильники со вчерашнего вечера не работают, – сказала девушка Оля. – Сеть как исчезла, так и не появляется.

– Я даже с крыши дома звонить пытался, – сказал студент Саша. – Ничего не выходит.

– Господи, – остановился вдруг Сергей, – выходит, мы надолго здесь застряли?..

– Верно, – утвердительно наклонил голову Гелий Петрович. – Поскольку связи с внешним миром нет, нужно оставить кого-то дежурить возле грязевого провала. Как автобус рейсовый приедет, нужно его сразу за помощью отправить. Чтобы, понимаешь, спасатели мосты навели...

– Не будет автобуса, – перебил его Володя. – С сегодняшнего дня маршрут до остановки «Тринадцатый микрорайон» отменен.

Теперь уже остановились все. И так получилось – должно быть, по чистой случайности, хотя, может быть, и нет, – что жители Тринадцатого микрорайона обступили двух молодых людей, которых только что спасли от неминуемой гибели. Вид у местных при этом был такой, будто теперь они готовы были сами учинить над ними расправу.

– Так, значит, – негромко и медленно, почти зловеще произнес Виктор Николаевич. – Выходит, мы уже никому не нужны?.. Нет никому до нас никакого дела?

– Можно подумать, только мы одни, – криво усмехнулся Лев Иммануилович.

– Это на что же вы намекаете, Лев Иммануилович? – подозрительно прищурился Гелий Петрович.

– Да ни на что я не намекаю, Гелий Петрович. – Лев Иммануилович устало, протяжно вздохнул. – Я констатирую факт.

– Вперед! – прямой, как палка, рукой Гелий Петрович указал путь к подъезду. – Вы, Мария Тимофеевна, гостей наших накормите. А через полчаса поднимайтесь все вместе в двадцать четвертую квартиру. Нужно обсудить сложившуюся ситуацию.

– Обсудить-то, оно, конечно, стоит, – не стала спорить Мария Тимофеевна. – Да только ребятам, наверное, отдохнуть нужно. Они ж, почитай что, всю ночь на крыше автобуса просидели.

– Выспаться мы еще успеем, – тут же высказал свое мнение Сергей. – А подумать, что делать и как выбраться из этого места, действительно необходимо... Я домой хочу вернуться!

– Ага, – кивнул на ходу шофер Володя. – Я тоже.

– Значит, договорились, – хлопнул в ладоши Гелий Петрович. – Через полчаса в двадцать четвертой.

Глава 3

10 мая. День

Пироги у Марии Тимофеевны были на диво вкусные. И чай она заваривала замечательно. Сыпала заварку в чайник, заливала кипятком, а затем ставила его под разноцветный вязаный колпак. Пока Сергей с Володей ели, баба Маша – так Мария Тимофеевна попросила их себя называть – рассказывала им о Тринадцатом микрорайоне и о его жильцах.

Всего в доме номер девять по улице, которой даже имя дать не успели, проживало двенадцать человек. Ольга, продавщица из расположенного в полуподвале магазина, жила у себя в подсобке. Да, вот такое получилось совпадение – в Тринадцатом микрорайоне постоянно проживало тринадцать человек. Быть может, сочетание двух чертовых дюжин как раз и привело к тому, что район оказался отрезанным от мира? Ответить на сей вопрос смогут разве что специалисты в нумерологии и конспирологии. Мы же ничего более сказать на эту тему не можем.

Самыми молодыми обитателями Тринадцатого микрорайона были уже упомянутая продавщица Ольга и студент Саша Цвеков. Остальные же – люди в возрасте, пенсионеры. Как так получилось? Да очень просто. По договору с городскими властями фирма, строившая Тринадцатый микрорайон, должна была часть квартир в каждом доме предоставлять очередникам из расселяемых домов, давно уже определенных на снос. Когда строительство было приостановлено, очередники, рассчитывавшие поселиться в Тринадцатом микрорайоне, возмущаться начали. Мол, как так! Снова нас обманули! Да сколько нам еще ждать!

«Нет проблем! – ответили им представители фирмы. – Хотите заселяться – пожалуйста! Только ремонт за свой счет и никаких претензий по поводу коммунальных услуг, которых может и вовсе не быть!»

Те, кто помоложе, подумали, подумали да и решили, что стоит, наверное, еще подождать. А пенсионерам, что ж, хочется хоть на старости лет в своей собственной квартире пожить, пусть даже необустроенной.

– Мы даже ордера получить не успели, – добавила Мария Тимофеевна. – Потому что городская комиссия строительство принимать отказалась. Решили, что ежели въедем, то нас уже отсюда не выелят.

Помимо отсутствия телефонов и телевизионной антенны, в доме не работал лифт. Поэтому новоявленные российские скваттеры заселили три нижних этажа. До пятого поднялся только студент Саша.

– Вообще-то, место здесь хорошее, – подытожила свой рассказ баба Маша. – Не беда, что свалка. Этому мусору без малого уже сотня лет. Дожди его вымыли, ветра выдули, время спрессовало, и теперь это уже и не мусор даже, а культурный слой, – последние два слова Мария Тимофеевна произнесла с особым значением. – Вот плохо только, что автобус отменили, – покачала головой старушка. – Магазин-то продуктовый у нас тут есть, а вот за лекарствами в аптеку или за какой другой нуждой все в город приходится ездить.

Посмотрев на часы, Мария Тимофеевна принялась собирать со стола чашки и блюдца.

– Пора, пора, – приговаривала она при этом. – Нехорошо заставлять людей ждать.

Мария Тимофеевна оказалась права. Когда они поднялись в двадцать четвертую квартиру, почти все были уже в сборе. Не хватало только продавщицы Оли и студента Саши. В большой комнате незаселенной однокомнатной квартиры, стены которой не были даже заштатлеваны, стояли только стулья, принесенные участниками собрания. Два свободных стула были

зарезервированы для гостей, не сказать, что почетных, но все же значимых. Гелий Петрович, явно претендовавший на роль председательствующего, занимал место возле балконной двери.

Как только появились вновь прибывшие, Гелий Петрович трижды звонко хлопнул в ладоши:

– Прошу всех внимания!

В помещении воцарилась тишина.

Выдержав полагавшуюся по регламенту паузу, Гелий Петрович степенно кашлянул в кулак, спрятал руки за спину и молодецкато выпятил грудь:

– Полагаю, все знают, по какому поводу мы тут собрались. Если кто еще не видел грязевого провала, отрезавшего Тринадцатый микрорайон от города, позже у вас будет возможность на это полюбоваться. Ситуация, прямо скажу, критическая. Поэтому все мы должны сплотиться перед общей бедой, которая...

– Гелий Петрович, – перебил председательствующего Лев Иммануилович. – Прежде всего следует определить, насколько серьезно наше положение.

Собравшиеся одобрительно загудели и закивали лысыми головами.

– В таком случае я передаю слово нашим гостям, – широким взмахом руки Гелий Петрович обозначил присутствие Сергея и Володи. – Они лучше любого из нас знают, что же произошло.

– Собственно, – поднялся со своего места Володя, – мы ничего не знаем. Кроме того, что невесть откуда взявшийся грязевой поток перерезал ведущую в город дорогу. Ширина потока более десяти метров. Глубина... Точно сказать не могу, но автобус в нем утонул. К тому же грязь горячая.

– Думаю, я могу внести некоторую ясность в этот вопрос, – поднял руку пожилой мужчина в очках с толстыми линзами. – Поперекин Семен Семенович, – представился он тем, кто его не знал. – Пенсионер. Прежде преподавал природоведение в начальной школе. Увлекаюсь краеведением. Когда сегодня утром Гелий Петрович поставил меня в известность о том, что произошло, я покопался в своих архивах и вот что обнаружил. – Семен Семенович достал из кармана домашней курточки несколько сложенных вдвое машинописных листов, слегка пожелтевших и обтрепанных по краям. – Это документы из городского архива, которые после известных событий одна тысяча девятьсот девяносто первого года, заодно с документами городской партийной организации, были выброшены на помойку, откуда я их и извлек...

– Каких событий? – переспросил старичок с удивленным лицом и легким белым пушком на лысой голове.

Старичок сидел на стуле, широко разведя в стороны колени и водрузив скошенный, безвольный подбородок на рукоятку трости, которую он держал перед собой.

– Ох, да успокойтесь вы, Соломон Юрьевич, – махнул на него рукой Гелий Петрович. – Мы не о том сейчас говорим.

– А я хочу знать! – Соломон Юрьевич стукнул тростью о пол. Не очень сильно, но убедительно. – О каких именно событиях идет речь!

Гелий Петрович тяжело вздохнул и, посмотрев на остальных собравшихся, беспомощно развел руками.

Виктор Николаевич, приподнявшись со своего места, сделал успокаивающий жест рукой:

– Соломон, ты помнишь, в Москве на Лубянской площади, прямо перед главным зданием КГБ, стоял огромный памятник Дзержинскому работы Льва Кербеля?

– Не надо держать меня за склеротика, Витя! – недовольно сдвинул брови Соломон Юрьевич. – Я все прекрасно помню!

– А помнишь Феликса, что стоял у нас на площади Свободы? – задал новый вопрос Виктор Николаевич.

– Еще бы я его не помнил! – топнул ногой в мягком войлочном тапке Соломон Юрьевич.

– Тогда ты должен помнить и о том, что оба этих памятника снесли. Сначала в Москве, затем и у нас.

– Да? – Соломон Юрьевич озадаченно поднял левую бровь. – Ты серьезно это, Витя?

– Да куда уж серьезнее, – усмехнулся Виктор Николаевич.

– Выходит, Феликса на Лубянке больше нет? – Соломон Юрьевич сделал короткий жест, как будто перерубая ребром ладони невидимую нить.

– Нет, – подтвердил Виктор Николаевич.

Соломон Юрьевич откинулся на спинку стула, еще шире развел в стороны колени и улыбнулся:

– Ну, так это же замечательно!

– Да как сказать, Соломон Юрьевич. Лубянка-то все равно осталась.

Старик с тростью сдвинул брови и глубоко задумался.

– Продолжайте, Семен Семенович, – кивнул Поперекину Гелий Петрович.

– В документах, о которых я уже сказал, речь идет о речке, протекавшей прежде на месте городской свалки. – Семен Семенович положил бумаги на колено и прижал сверху ладонью. – То есть на том самом месте, где мы с вами сейчас находимся. Речка была небольшая, что называется, в жаркий день воробей вброд перейдет. Называлась речка Каменкой. Когда ее начали мусором засыпать, думали, разольется речка и притопит малость все то дерьмо, что в нее набросали. Но случилось иное – речка под землю ушла. Как будто и не было ее. Ну, а со временем о ней и вовсе забыли. Можно предположить, что на месте свалки, где-то ниже русла реки, находилась огромная подземная пустота, куда и ушла вода из Каменки. Сейчас же она снова прорвалась наружу.

– Вот же страх-то Господень, – скрестила руки на груди Мария Тимофеевна. – Выходит, наш дом как раз над этой самой пустотой и стоит?

– Не думаю, – качнул головой Семен Семенович. – Прежде чем начать строительство, подрядчики должны были провести геологическую разведку местности.

– Должны – еще не значит, что сделали, – ехидно заметил Соломон Юрьевич. И тростью стукнул.

– Ваша теория, уважаемый Семен Семенович, – обратился к докладчику Лев Иммануилович, – не объясняет, почему грязь, которая, как вы предполагаете, хлынула вместе с водой из подземной пустоты, горячая. Полагаю, подземных термальных источников в наших краях нет и быть не может.

– Я могу только делать предположения. – Семен Семенович наклонил голову и зачем-то переложил бумаги с одного колена на другое. – Как известно, свалка, на которой мы сейчас живем...

– Не «на которой», а «рядом с которой»! – протестующе взмахнул указательным пальцем Олег Игоревич. – Это только бомжи живут на свалках! Я же себя к таковым не отношу!

– Дурдом какой-то, – наклонившись к уху Косарева, едва слышно прошептал Володя. – Как думаешь, мы тут заодно со всеми не свихнемся?

– Я не собираюсь здесь задерживаться, – так же тихо ответил Сергей.

– Ну, это уж как получится...

Сергей удивленно посмотрел на Володю.

Водитель утонувшего автобуса безразлично пожал плечами: мол, а я-то тут при чем?

– Как бы там ни было, – повысил голос Семен Семенович, – на свалку вывозили не только бытовой мусор, но и отходы с нескольких городских предприятий. Что это были за отходы, одному богу известно. Не исключено, что среди прочих в свозимых на свалку отходах могли содержаться активные химические реагенты, которые, постепенно просачиваясь с дождевой водой в почву, попадали в то самое подземное озеро, в которое превратилась Каменка. Когда

же их концентрация достигла предельного значения, началась самопроизвольная химическая реакция. Что и привело к разогреву воды и выбросу ее на поверхность.

– Гениально! – глядя на Семена Семеновича, тихо, с восторгом выдохнул Соломон Юрьевич. – Это тянет как минимум на Нобелевскую!

– Да что вы, – смущенно потупился Семен Семенович.

– Гелий Петрович! – ткнул тростью в сторону председательствующего Соломон Юрьевич. – Мы должны незамедлительно составить по всей форме заявку и отправить ее в Нобелевский комитет!

– Хорошо, Соломон Юрьевич, – благоразумно не стал спорить Гелий Петрович. – Я займусь этим, как только мы закончим собрание.

Соломон Юрьевич удовлетворенно кивнул и вновь водрузил подбородок на рукоятку трости.

– Теория на самом деле совсем не глупая, – шепнул на ухо Володе Сергей.

– Да ну? – усмехнулся Володя. – Я могу объяснить все гораздо проще. Где-то неподалеку прорвало трубу с горячей водой, вот и все. Скоро приедут ремонтники, заделают дырку в трубе, а заодно и нас отсюда вытащат.

– Струя воды из трубы не в состоянии промыть канаву, в которой может утонуть целый автобус, – резонно возразил Сергей.

Довод был веский, но Володя решил все же не сдаваться.

– Ну, это смотря какой автобус, – сказал он и демонстративно отвернулся.

– Хорошо, – чисто для проформы, поскольку и без того было тихо, хлопнул в ладоши Гелий Петрович. – С причиной постигшей нас напасти мы, можно сказать, разобрались. Давайте теперь задумаемся...

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул студент Саша.

– Можно? – робко спросил он.

– Давай, только быстро, – недовольно махнул рукой Гелий Петрович.

Вместе с Сашей пришла и продавщица Оля. С собой они принесли стулья, на которых и уселись возле двери.

– Итак, я предлагаю задуматься над тем, что нам делать, – закончил прерванную мысль Гелий Петрович.

– А, собственно, что такого произошло? – недоуменно развел руками Олег Игоревич. – Ну, подумаешь, грязь разлилась...

– Ну, подумаешь, – в тон ему продолжил Виктор Николаевич, – автобус в этой грязи утонул.

– С автобусом неудачно получилось, – вынужден был признать Олег Игоревич.

– Неудачно! – фыркнул Володя. – Нашли же словечко.

– Я не вижу причин для паники! – отчетливо и громко произнес Олег Игоревич. – Мы не на необитаемом острове посреди Тихого океана. Мы в своей стране, в родном городе! Хотя и на самой окраине. Я уверен, и дня не пройдет, как к нам прибудет бригада спасателей!

– Интересно только, кто их вызовет? – покусывая ноготь на мизинце, негромко, как будто размышляя вслух, произнес Виктор Николаевич.

– Как это кто? У нас есть МЧС!

– У нас и полиция есть! А ворья от этого не меньше!

– Я на прошлой неделе «Скорую» полдня ждал!

– Ну и что? При чем тут «Скорая»?

– При том, что ваша МЧС ездит не быстрее!

Устав от всей этой бессмыслицы, Сергей поднялся на ноги.

– Может быть, поговорим о чем-то действительно важном? – крикнул он, чтобы перекрыть общий гул.

Сразу воцарилась тишина.

Старики смотрели на него, и взгляды их казались Сергею необычными и даже странными. Мудрыми и глупыми одновременно. Просветленными. Глядя на их дряблые шеи, морщинистые лица, покрытые пигментными пятнами лысины и уложенные широкими складками веки, он почему-то вспомнил об Одиноком Джордже.

Глава 4

13 мая. День

– Кто такой Одинокый Джордж? – поинтересовался Володя.

– Последняя гигантская галапагосская черепаха, умершая несколько лет назад, – ответил Сергей. – Ей было около ста лет.

– А куда делись остальные?

– Умерли раньше.

Володя задумчиво покачал головой:

– Должно быть, это не весело.

– Что именно?

– Остаться последним.

– Посмотреть на него приезжали разные знаменитости. Даже принц Чарльз.

– А ему-то что? Для него они все, наверное, были на одно лицо.

Возможно, какая-то доля правды в этом была.

Вот же странно, почему всегда говорят только про долю правды? Можно подумать, что всей правды вовсе не существует.

– Я всегда вспоминаю об Одиноким Джордже, когда смотрю на этих стариков.

– Потому что они такие же старые?

– И такие же одинокие. Они все еще ждут, когда за нами прилетят спасатели на вертолете. Штейн даже вещи упаковал. Зашел к нему вчера, а он сидит на чемоданах.

Володя посмотрел вверх. На чистое, безоблачное небо. Настолько пронзительно-голубое, что слезы на глаза наворачивались.

– Но ведь действительно странно, что о нас все забыли. – Володя недоумевающе пожал плечами. – Три дня прошло – и никого. Как такое может быть? Как будто мы на другой планете.

– Есть у меня одно соображение.

Сергей подошел к мусорной стене и ковырнул ногтем торчащий из нее обломанный кусок дерева. Судя по глубине залегания, этой деревяшке должно быть больше полувека. Чем она была прежде, до того, как оказалась на свалке? Ножкой стула? Или черенком деревянной ложки? А может быть, детской игрушкой? Странно, что за все эти годы дерево не сгнило. Как будто пропиталось каким-то консервирующим составом. А может быть, это произошло потому, что мусор был плотно спрессован? Стена мусора, возносящаяся к небесам, производила очень необычное впечатление. Если забыть о том, что она на самом деле собой представляла, ее можно было принять за творение какого-нибудь модного художника-монументалиста. Неровные разноцветные пласты сползали, заваливались в стороны, изгибались, изламывались, придавливали друг друга, как будто это была многослойная начинка гигантского сэндвича. Гигантский гамбургер, расплющивший собой все вокруг. Чудовищная лазанья, вобравшая в себя целый мир. Можно было даже вообразить, что творение безвестного гения олицетворяло собой глобальный кризис общества тотального потребления. Человечество вынуждено производить груды мусора для того, чтобы удовлетворить все свои потребности. Не задумываясь о том, что это в принципе невозможно. Потому что запросы постоянно растут, порции становятся все больше, а люди – все толще. Попробуйте вообразить, чем все это закончится. Вам еще не тошно?

– Так что за соображение?

Сергей посмотрел на тоненькую щепочку, которую ему удалось отодрать от торчащей из стены деревяшки, и ногтем отстрелил ее в сторону.

– Ты слышал про Сезон Катастроф?

– Прикалываешься?

– Ну, в общем, да, – усмехнулся Сергей. – Кто же о нем не слышал.

– Ты хочешь сказать, что мы оказались в аномальной зоне?

– А почему бы нет? Аномальную зону, особенно если она образовалась вблизи крупного населенного пункта, окружают военными кордонами. Никого не впускают, никого не выпускают. Вот тебе и объяснение, почему до нас до сих пор не добрались ни спасатели, ни коммунальщики.

– А что тут аномального? – непонимающе посмотрел по сторонам Володя.

– Яма с горячей грязью, в которой утонул автобус.

– Маловато для аномальной зоны, – с сомнением покачал головой Володя.

– Мы сидим на крошечном пятачке и понятия не имеем, что происходит по другую сторону! – Сергей указал рукой на стену мусора, вдоль которой они шли.

– Поперекин говорит, что это вовсе не стена – залежи мусора тянутся на несколько километров.

– Странно даже, что не воняет, – наморщил нос Сергей.

– Наверное, все, что могло гнить, уже сгнило. Или птицы растащили. Видишь, – Володя указал вверх, – птиц нет. Значит, жрать нечего.

Свободных квартир в доме было полно. Сергей с Володей, новые жильцы, а может быть, пленники Тринадцатого микрорайона, обосновались на шестом этаже, где, кроме них, больше никого не было. Соседи помогли с мебелью, кто чем мог, бельишком кой-каким и посудой. Спать пришлось на полу, но пара лишних матрасов нашлась. А Виктор Николаевич Бабилов с третьего этажа притащил охапку постеров с рок-группами, кинозвездами и внеземными пейзажами, которыми можно было заклеить голые стены. Баба Маша категорически заявила, что столоваться ребята будут у нее. Ей, мол, все равно, на себя одну готовить или на троих. Ну а продукты они сами в магазинчике у Оли прикупили.

В общем, можно сказать, что жизнь налаживалась. Хотя, конечно, звучало это невообразимо глупо. Не жизнь, а робинзонада какая-то. Не хватало еще только, чтобы воду и электричество отключили. Тогда – точно швах!

Парням безумно хотелось вырваться на свободу, на Большую землю. Поэтому каждый день, раза два-три, а то и больше, Сергей с Володей ходили к провалу с горячей булькающей грязью, отделявшему их от всего остального мира.

– Яма вроде еще больше стала, – сказал Володя, бросив взгляд на другую сторону булькающей и чавкающей бездны.

Сергей достал из кармана театральный бинокль, позаимствованный у бабы Маши, и посмотрел туда. По ту сторону находились Лондон, Париж, Сан-Франциско, Канберра, Торонто, Рио-де-Жанейро... И уйма других мест, в которых он никогда не был. А по эту сторону – только Тринадцатый микрорайон... То, что успели построить... Так почему же он на этой стороне, а не на той?

– Точно, больше, – кивнул он. – Примерно на полметра.

Он снова приложил бинокль к глазам и сделал визуальную отметку, чтобы завтра проверить, насколько еще увеличилась яма.

– По полметра в день. – Володя чуть наклонил голову и озадаченно почесал ногтем висок. – Хорошо, что не в нашу сторону.

Сергей неодобрительно посмотрел на приятеля, но промолчал. Он не был суеверным, но все же полагал, что вслух о плохом лучше не говорить. Слова, как считал Юнг, обладают гадкой способностью воплощаться в реальность. А у Сергея не было никаких оснований не доверять

Юнгу. Кроме того, у него было несколько возможностей убедиться в этом на собственном опыте. После чего он стал крайне осторожно обращаться с некоторыми словами. Особенно со словами «конечно» и «неприменно».

– Запах стал другим? – Володя повел носом. – Или мне кажется?

Запах, исходивший от жидкой грязи, и в самом деле был довольно странный. Это была уже не та едкая вонь, будто выплескивающаяся на поверхность, когда неподалеку с влажным чмоканьем лопался пузырь. Теперь запах казался смутно знакомым и даже будил какие-то старые, полустертые воспоминания. Но при этом как-то охарактеризовать его, хотя бы очень приблизительно, не удавалось. Это был запах не синтетики и не смазки, не растительный и не животный. Специи вроде бы тоже так не пахли. Его нельзя было назвать резким или неприятным, однако же вдыхать его долго почему-то не хотелось.

– Я не чувствовал этого запаха, когда мы сидели на крыше автобуса, – сказал Сергей. – Тогда эта грязь просто отвратно воняла.

– Это плохо. – Володя достал из кармана пачку сигарет.

– Почему?

– Потому что это означает, что там, – он ткнул пальцем в яму с разлившейся грязью, – идет какой-то процесс. Может, прав Поперекин и там действительно какая-то химия бродит? Мало ли что могли в свое время свозить на эту свалку.

– Это аномальная активность, – почти уверенно заявил Сергей.

– Да? И в чем же она проявляется?

– В том, что грязь воняет, а провал становится шире. Тебе этого мало? – Сергей вдруг почувствовал злость на Володю, за то, что тот ну никак не желал признать очевидное. – Если бы это была обычная яма с грязью, образовавшаяся по воле природных стихий, сюда бы давно уже прикатили дорожные работники!

– Зачем? – непонимающе посмотрел на него Володя.

– Чтобы все привести в порядок!

– А кому это нужно?

Простой, казалось бы, вопрос поставил Сергея в тупик:

– Как это кому?

– Кому нужна эта дорога, ведущая в никуда? – Володя махнул рукой в сторону недостроенных домов. – Кому нужен этот Тринадцатый микрорайон, заложенный на кучах мусора?.. Вспомни, ты же сам говорил – лишние люди.

– Я сказал это в шутку...

Сергей едва не прикусил язык. Вот так! Сказал, может, и в шутку, однако теперь не до смеха.

– Это было не смешно. Совсем не смешно.

– А родственники?

– Что – родственники?

– У них ведь есть родственники?

– У кого?

– У тех, кто здесь живет.

– Может, и есть.

– Они будут их искать.

– Не знаю.

– А твои родственники?

– Ч-черт! – Володя смял пустую пачку из-под сигарет и бросил ее в грязь. – Сигареты кончились!.. Мои-то точно не станут обо мне беспокоиться. Братец только порадует, что я свою комнату освободил... Знаешь, мне даже интересно, через сколько дней он мои вещи выкинет?

Смятая пачка из плотной бумаги, упав в грязь, по идее, должна бы была остаться лежать на поверхности. Но вместо этого она начала погружаться, как будто в ней лежал камень. Увесистый такой булыжник, тянущий ее на дно сквозь липкую, густую, да еще чем-то странно пахнущую грязь. Через минуту с небольшим грязь над ней сомкнулась.

– Пойдем в магазин, мне сигареты купить нужно.

Володя сунул руки в карманы и, ссутулив плечи, зашагал в сторону единственного достроенного дома.

Сергей посмотрел на то место, где исчезла смятая пачка.

Сколько времени потребуется на то, чтобы грязь поглотила все вокруг?

Словно в ответ на его мысли, будто отрыжка, влажно лопнул пузырь.

Глава 5

13 мая. День

Вход в магазин находился в торце девятиэтажки. Над входом, как и полагается, имелась вывеска, на которой большими синими буквами было написано: «МАГАЗИН. 24 ЧАСА» – и мелкими черненькими буквами добавлено «чп В. В. Вукин». Кто такой этот В. В. Вукин, не знала даже продавщица Оля. Ее принял на работу некто Олег Николаевич. Хотя «принял» – это, наверное, не совсем правильно. Никаких договоров со своим новым работником Олег Николаевич не оформлял. Он по-простому забрал у Оли паспорт, привез девушку в магазин и поставил за прилавок. Работать предстояло двадцать четыре часа в день, как и указано на вывеске, семь дней в неделю. Олю это устраивало. Она приехала из Белоруссии и своего жилья, понятное дело, не имела. Снимать же квартиру было накладно. А в магазине имелась подсобка, в которую можно было поставить раскладушку. Не свой дом, конечно, но другие ведь и такого не имеют. Ну а при весьма ограниченном числе покупателей стоять целый день за прилавком не приходилось. Хотя и далеко от магазина тоже не отойдешь – идти-то некуда.

Магазин торговал всем, что могло понадобиться жителям близлежащих домов, начиная хлебом и солью и заканчивая канцелярскими принадлежностями. Олег Николаевич, а может быть, и сам никому не известный В. В. Вукин поспешил открыть магазин в расчете на то, что вскоре здесь будет целый микрорайон, все обитатели которого, естественно, станут ходить к нему за покупками, поскольку других магазинов поблизости не было. Однако надежды не оправдались. Держать торговую точку ради двенадцати покупателей не имело смысла, и Олег Николаевич давно уже предупреждал Ольгу, что магазин скоро закроется. Да вот только почему-то все никак не закрывал его. Должно быть, ликвидировать уже работающую торговую точку было накладнее, чем оставить все как есть. А может быть, владелец магазина имел достоверную или не очень информацию о том, что строительство Тринадцатого микрорайона все же будет возобновлено. Вот только навещался в магазин Олег Николаевич все реже. Из товаров порой завозил только продукты длительного хранения. А выручку забирать – так о том смешно даже говорить было. Какая уж тут выручка!

– Как дела, студент? – войдя в магазин, поприветствовал единственного посетителя Володя.

– Спасибо, все хорошо.

Саша смущенно отошел от прилавка и с очень серьезным видом принялся изучать выставленные в витрине авторучки.

Саша Цвеков был студентом третьего курса машиностроительного института. Учился он хорошо и за три года не пропустил ни одной лекции. В тот самый злосчастный день, когда автобус утонул в разверзшейся яме с грязью, у него должна была начаться зачетная неделя. Сегодня он пропускал уже второй зачет. А потому ему не давали покоя мысли о том, сочтет ли ректорат института уважительной причину, по которой он не смог явиться на зачеты. Конечно, справку о провале можно будет получить в комитете по дорожному строительству. Но все равно, как-то нелепо звучит: не явился на зачет по причине разлива грязи. В общем, несмотря на заявление Саши о том, что у него все хорошо, студент пребывал в тоске и сомнениях, которые грозили перерасти в вялотекущую депрессию.

Купив пачку сигарет, Володя распечатал ее, вытащил одну сигарету и положил за ухо.

– Слушай, студент, – посмотрел он на Сашу. – Я вот все никак не пойму, как ты тут оказался?

- Что значит как? – непонимающе вскинул брови Цвеков.
 - Ну, все остальные-то здесь пенсионеры. Из молодежи только ты да Оля. Ну, Оля, понятно – она тут работает. А ты что ж, квартиру себе купил?
 - А, нет, – качнул головой Саша. – Это бабушкина квартира.
 - А бабушка где?
 - Бабушка все время за городом живет.
 - То есть у вас еще и дача имеется?
 - Ну, какая там дача, – смущенно пожал плечами Саша. – Так, участок небольшой.
 - Но картошка-морковка, выходит, своя?
 - Нет. Бабушка только цветы выращивает. И какие-то травы лекарственные.
 - Она у тебя, часом, не колдунья?
 - Да вроде нет...
- Пока Володя с Сашей болтали, Сергей изучал выставленные на полках товары.
- Оля, а у тебя имеется список товаров? – спросил он.
 - Есть ценник.
 - Чего? – не понял Сергей.
 - Список цен.
- Оля показала несколько помятых страничек, соединенных канцелярской скрепкой.
- Можно взглянуть? – Сергей протянул руку.
 - Зачем? – насторожилась продавщица.
 - Не бойся, Оль, я не фининспектор, – улыбнулся Сергей как можно более дружелюбно.
 - А список зачем? – стояла на своем продавщица. – Скажите, что вас интересует, я цену назову.
- Сергей положил локоть на прилавок, подался вперед и чуть понизил голос, как будто говорил по секрету:
- У меня имеются серьезные опасения, что мы можем застрять здесь надолго. Поэтому хотелось бы знать, какими ресурсами мы располагаем.
- Оля задумалась. Брови ее сосредоточенно сдвинулись. По лбу побежали морщинки. Олег Николаевич постоянно повторял ей, что в их бизнесе доверять нельзя никому. В особенности санитарным врачам, финансовым и пожарным инспекторам. Однако в словах москвича вроде бы никакого подвоха не было.
- Как надолго? – спросила она на всякий случай.
 - Не знаю, – пожал плечами Сергей. – Хозяин твой когда должен приехать?
 - Да он точно никогда и сам не знает, – махнула зажатými в руке бумагами Оля. – Где-нибудь к двадцатому числу.
 - А сегодня у нас, – Сергей посмотрел на часы с календарем, – тринадцатое. Ежели через неделю хозяин твой не объявится, значит, у нас серьезные неприятности.
 - И что мы тогда будем делать?
 - Слушай, ну откуда мне знать? – развел руками Сергей.
 - Если окажется, что до нас вообще никому нет дела, – вступил в разговор Володя, – предлагаю сделать официальное заявление о суверенитете Тринадцатого микрорайона! Чтобы обратиться в ООН с просьбой о принятии в Евросоюз и оказании гуманитарной помощи!
 - Мысль неплохая, – одобрительно кивнул Сергей. – Но – глупая.
 - Почему? – обиделся Володя.
 - Потому что у нас нет связи!
 - Нужно прокопать туннель, – не то в шутку, не то всерьез предложил Саша.
 - Ну, да, – усмехнулся Володя. – Выкопаем яму, а оттуда фонтан жидкой грязи ударит! Слыхал, чего Поперекин говорит? Мы на этом болоте сидим.

– Поперекин чушь несет, – недовольно поморщился Сергей. – До начала строительства на этом месте должны были провести геодезическую разведку. Никто бы не разрешил строить жилые дома на подземном озере жидкой грязи.

– Слушай, у вас в Москве все такие наивные? – насмешливо посмотрел на него Володя. – Для того чтобы получить разрешение на строительство, нужно не разведку там какую-то проводить, а денег кому надо отстегнуть. И все дела.

Сергей недовольно цокнул языком, но возражать не стал – глупо было спорить с очевидным.

– Тогда нужно забраться наверх, – сказала Оля.

– Зачем? – непонимающе посмотрел на нее Володя.

– Чтобы позвать на помощь.

– Нет, лучше, чтобы установить там свой флаг, – усмехнулся Сергей.

– А меня за это могут из института отчислить? – спросил неожиданно Саша.

– За что? За установку флага?

– За то, что я сессию пропущу?

– Возьмешь академический, – решил успокоить парня Володя.

– Так можно посмотреть список? – снова протянул руку Сергей.

Пару секунд поколебавшись, Ольга отдала ему бумаги.

Список был распечатан восьмым кеглем на принтере с севшим картриджем, так что рассмотреть что-либо было непросто. К тому же тот, кто его набирал, либо был ленив без меры, либо тщательно все шифровал. Все слова были сокращены до трех, двух, а то и одной буквы. Ну скажите на милость, что, к примеру, может означать «тр. сер. м. мяг.»?.. Во втором столбце этого таинственного списка была проставлена цена товара, а вот количество указано не было. В то время как именно количество как раз и интересовало Сергея.

– Как ты только в этом разбираешься? – Сергей вернул список хозяйке.

– Привыкла. – Ольга сунула бумаги под прилавок.

– А сколько у тебя какого товара, ты знаешь?

– Примерно.

– Насколько примерно?

Оля задумалась, подняла ладони перед собой и развела их примерно на двадцать пять сантиметров. Еще немного подумав, она увеличила расстояние между ними до тридцати.

– Понятно, – кивнул Сергей. – Придется нам провести у тебя ревизию.

– С чего это? – с вызовом вскинула голову продавщица.

– Чтобы знать, на что мы можем рассчитывать, – предельно доходчиво, как ему казалось, объяснил Сергей.

Ольге, однако, так не казалось.

– Вот купите, тогда и рассчитывайте, – отрезала продавщица.

– Да что ты ерепенишься? – удивился Сергей. – Я же не грабить тебя собрался.

– Товар не мой, мне за него отвечать перед хозяином!

– Да что вы раньше времени расшумелись? – поморщился недовольно Володя. – Вот приедет через неделю хозяин, с ним обо всем и договоритесь.

– Как он сюда приедет, ежели на дороге яма с грязью?

– Остановится на другой стороне. Посигналит. Мы подойдем и попросим его съездить за помощью. Он ведь не откажет, а, Оля?

– Нет, конечно, – уверенно заявила продавщица. – Что ему стоит до полицейского поста доехать?

– Наивные, – усмехнувшись, покачал головой Сергей. – Если бы кто-то мог сюда приехать, так давно бы уже приехал. Мы здесь одни. А значит, сами должны думать, как выкарабкиваться.

Володя достал сигарету из-за уха и указал ею на дверь:

– Пойдем, покурим.

– Я не курю.

– Ну, я покурю. А ты постоишь за компанию.

Они вышли на улицу.

Володя сел на перевернутый ящик. Сергей остался стоять.

Погода была самая что ни на есть майская. Солнышко греет, но еще не припекает. Тепло, но не жарко. Нет еще той летней духоты, от которой в городе с ума сойти можно. Тень от мусорной стены закрывает ровно половину Тринадцатого микрорайона.

– Здесь летом, должно быть, душегубка.

– Почему?

Володя сунул сигарету в рот и щелкнул зажигалкой. Искра вылетела, но огонь не загорелся.

– Сам прикинь. Солнце, жара, а вокруг – стены. То есть ни ветерка. Как в тюремном дворе. Пяток деревьев озеленители в землю ткнули, да только они, может, еще и не приживутся.

Володя снова щелкнул зажигалкой. На этот раз она загорелась, и водитель раскурил сигарету.

– Слушай, Серег, ты чего людей пугаешь?

– В смысле?.. – непонимающе посмотрел на него Косарев.

– Пока еще ничего страшного не произошло. – Володя затянулся и выпустил струйку дыма.

– Ты так полагаешь? – криво усмехнулся Сергей.

– Ну, застряли мы тут. Согласен, ситуация дурацкая. Но ведь это еще не конец света.

– А когда жратва кончится? Тогда как?

Володя снова затянулся.

– Тогда и посмотрим.

– Нас пятнадцать человек. Прикинь, на сколько продуктов в магазине хватит? На неделю? На две?.. А что потом? Крыс ловить будем или начнем есть друг друга? Голод, говорят, страшная штука.

– Ну вот, опять ты раньше времени, – скривился Володя. – За две недели много чего может произойти.

– Можно сидеть и ждать, что прилетят спасатели и вывезут всех нас на Большую землю. Можно надеяться на то, что прилетят инопланетяне и заберут нас к себе на альфу Центавра. А можно попытаться что-то сделать, чтобы самим себе помочь выжить.

– Слушай, мы не на Северном полюсе и не в Сахаре. Там, – двумя пальцами, между которыми была зажата дымящаяся сигарета, Володя указал в сторону прохода, – Кипешма! Понимаешь? Город. Не такой большой, как Москва. Но в нем тоже люди живут... О каком выживании идет речь?

Сергей усмехнулся, присел на корточки и сорвал торчащую из земли травинку.

– Ты не слышал историю о человеке, который в результате автомобильной аварии оказался на крошечном бетонном островке в центре скоростной автостреды? Вокруг него проносились машины, в которых сидели люди. А он думал о том, как ему выжить! Потому что никому до него не было дела.

– И что с ним стало?

– Какая разница? Нужно думать о том, что будет с нами.

Из-за угла дома появилась баба Маша.

– Где молодая девка – там и молодые ребята, – сказала она с усмешкой. – Сашка только не хватает.

– Он в магазине, – кивнул на дверь Сергей.

– Ну, тогда все в сборе!

– А чего же вы сами-то в магазин пришли, баба Маша? Сказали бы нам, что надо, мы бы все принесли.

– Да я не за продуктами, – махнула рукой старушка. – Соседу нашему, Игорю Петровичу Кузякину, плохо совсем. Хочу у Ольки узнать, нет ли у нее таблеток каких.

– Кузякин, – наморщил лоб Сергей. – Это кто ж такой? Что-то не припомню.

– Да ты его не видел ни разу. Он и не встает почти.

– А что с ним такое?

– Цирроз.

– О господи! – закатил глаза Володя. – Баба Маша, так это ж не лечится!

– Знаю, что не лечится. Ему обезболивающее надо. Уж больно-то он мучается. Мне через стенку слышно, как кричит.

– Анальгин тут не поможет. Может, у него свое какое лекарство есть?

– Было, да все вышло. Ему лекарство-то племянник привозит. Вчерась должен был приехать.

Сергей многозначительно посмотрел на Володю. Тот опустил взгляд, бросил на асфальт докуренную сигарету и раздавил окурочку ботинком.

Баба Маша для порядка постучала в дверь магазина и только после этого вошла.

– Ну, и что ты теперь скажешь? Племянник забыл про умирающего дядю?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Володя.

Ситуация была довольно-таки дурацкая. Да, он готов был согласиться с тем, что их здесь бросили. По какой причине – это уже другой вопрос. Но они оказались предоставлены сами себе. Вот только он страшно не хотел это признавать, потому что был уверен, что самим им из этой ловушки не выбраться. Не выползти, не взлететь и не выкарабкаться.

Сергей повернул голову, настороженно посмотрел в сторону мусорной стены и вдруг вскочил на ноги.

– Ты чего? – удивленно спросил Володя.

– Там что-то движется.

– Где? – Не вставая, Володя посмотрел в ту же сторону, что и Сергей.

– На земле, неподалеку от стены.

– Не вижу.

– Вон там, – Сергей показал рукой. – Оно сейчас замерло... Видишь?... Размером с ладонь, грязно-коричневого цвета.

– Крыса, что ли?

– Нет.

Володя привстал.

Там, куда указывал Сергей, на асфальте действительно лежало что-то коричневое, округлой формы. Но это что-то не было похоже на живое существо. Скорее уж на сломанную детскую игрушку. Хотя откуда здесь взяться детской игрушке? Детей-то в доме нет.

– Ну и что?

Не успел Володя произнести это, как у странного предмета выросли ножки. Длинные, тонкие, будто у паука. Причем со всех сторон. Штук десять, не меньше. Перебирая всеми ногами одновременно, странное, ни на что не похожее существо неторопливо двинулось вдоль бордюра.

Володя быстро глянул по сторонам и, не найдя ничего более подходящего, схватил ящик, на котором прежде сидел.

– Идем. – Держа ящик обеими руками перед собой, он решительно направился в сторону многоногого чудика, определенно намереваясь поймать его.

Сергей засеменил за ним следом. Ему не часто приходилось иметь дело с животными, поэтому он их, признаться, малость побаивался. Даже самых безобидных на вид. Потому что даже у милых котят имеются когти и зубы, которые они всегда готовы пустить в дело. Да, собственно, дело было даже не в зубах и когтях, а в том, что Сергей понятия не имел, как с ними следует обращаться. Не только с котятами, но с любыми животными вообще.

Звероловы-любители быстро двигались в направлении странного существа, а оно примерно с такой же скоростью перемещалось в противоположную от них сторону.

Володя зашагал быстрее.

И существо тоже прибавило скорости.

– Это не паук.

– А кто говорил, что это паук?

– Что же это тогда?

Движения у существа были странные, будто механистичные. Да и само оно выглядело как-то очень уж нелепо для животного. Не было у него присущей всему живому грации. Ну ни грамма. Оно вскидывало высоко вверх изогнутые под острыми углами ноги, такие тонкие, что, казалось, они не могли выдержать вес его тела. Тело же, похожее на шайбу или старомодную плоскую коробку из-под «монпансье», как будто вращалось вокруг своей вертикальной оси. Все вместе это выглядело странно и неразумно. Да какое там – просто дико!

– Может, это робот? – предположил Сергей.

– Хочешь сказать, заводная игрушка?

– Я сказал то, что хотел. Заводная игрушка движется либо в одну сторону, либо – как попало. А этот конкретно убегает от нас.

– Ну, сейчас поймем и разберемся, что это такое.

Вскинув ящик над головой, Володя перешел на бег.

Псевдопаук тоже припустил от него во всю мочь.

– Не уйдет – там стена!

Псевдопаук действительно бежал в сторону мусорной стены. Причем так быстро и уверенно, будто точно знал, что именно в этом его спасение – первым добежать до стены. Вот он ткнулся передними лапками в стену и замер.

– Ну, все! Попался! – ликующе воскликнул Володя.

Быстро и проворно псевдопаук побежал вверх по стене.

Выставив ящик перед собой, Володя накрыл им паука. Улыбнувшись радостно, как ребенок, поймавший в луже головастика, посмотрел на Сергея:

– Ну, и что теперь с ним делать?

– Подожди.

Сергей сбегал к магазину и вернулся с картонкой. Плотно прижав картонку к стене, он стал осторожно проталкивать ее под ящик. Затем, прижав картонку к краям ящика, они быстро перевернули его и поставили на землю.

– Готово!

Володя придавил картонку рукой.

– Посмотрим?

– Давай. Только осторожно. А то... кто его знает.

Они присели на корточки возле ящика. Оба сгорали от нетерпения увидеть то, что им удалось поймать.

– Это, наверное, какой-то мутант, родившийся в залежах мусора, – сказал Володя.

– Мне все же кажется, что он не настоящий.

– В каком смысле?

– Не живой, а механический.

– Ладно, сейчас увидим.

– Осторожно...

Володя очень осторожно отогнул краешек прикрывающей ящик картонки и, низко наклонив голову, заглянул внутрь.

– Что за черт? – Он откинул картонку.

Ящик был пуст.

– Но я же точно его накрыл!

– Да, я тоже видел.

Володя сунул в ящик руку, проверил все углы, провел ладонью по дну и стенкам, как будто подозревал, что странный псевдопаук мог вдруг сделаться невидимым.

Сергей поднялся на ноги, подбежал к стене и внимательно осмотрел то место, где они поймали странное существо. В основании стены мусор был настолько плотно спрессован, что казался монолитным блоком. Не было ни единой щелочки, в которую могло бы попытаться втиснуться странное паукообразное существо.

– Слушай, а нам все это не померещилось?

Ну, в самом деле, а что еще можно было подумать?

– Нет, – отрицательно качнул головой Володя. – Я его точно видел.

Сергей молча развел руками.

Глава 6

16 мая. День

Баба Маша еду готовила незамысловатую, но сытную. Сегодня у нее на обед был борщ, которого она наварила большую кастрюлю, на три дня, и гречневая каша с котлетами. Правда, котлеты были полуфабрикатные, замороженные, из Олиного магазина. Ну а где другие взять?

– Я прежде за мясом на рынок ездила, тот, что на улице Ленина, – раскладывая котлеты по тарелкам, говорила, словно оправдывалась, старушка.

– Баба Маша, так улицы Ленина давно уже нет, – с делано серьезным видом возражал ей Володя. – Теперь эта улица Президентская.

– А мне какая разница, – спокойно отвечала старушка. – Сегодня – Президентская, завтра – еще какая. А для меня как была, так и осталась – улица Ленина. Чем плохо название?

– Так он же злодеем был. Устроил переворот, сверг законное правительство, власть в стране захватил.

– Что, один? – лукаво прищуривалась баба Маша.

– Ну, почему ж один? У него полно сторонников было.

– При оружии, поди?

– Ну, а как же без него?

– Ну вот. А чего же тогда только Ленин один злодей? Другие, выходит, хорошие были?

– Другие тоже злодеи.

– И откуда же столько злодеев в одной-то стране? – досадливо качала головой баба Маша. Глаза же ее при этом лукаво так улыбались. Не простая была старушка, совсем не простая. За стеной глухо, протяжно застонал больной сосед Кузякин.

Мария Тимофеевна положила ложку на край тарелки. Прислушалась.

– Вроде как получше ему стало.

– Получше? – удивленно посмотрел на нее Сергей. – Чего же он тогда так стонет?

– Ты бы послушал, как он раньше стонал. Теперь это у него не стон, а песня.

– Только слов не разобрать, – хмыкнул Володя.

– Может, зайти к нему? – не очень уверенно предложил Сергей. – Надо ведь хотя бы познакомиться.

– Не люблю я умирающих, – скривился Володя.

– А тебя никто и не заставляет его любить, – тут же сказала Мария Тимофеевна. – А познакомиться надо, Сережа дело говорит. Заодно и поесть ему отнесите.

– Так, если он циррозник, у него должна быть диета.

– Гречку ему можно. Только без масла. – Мария Тимофеевна принялась накладывать кашу в красную пластиковую миску. – Кстати, ежели Игорь Петрович будет хорошо себя чувствовать, можете и поговорить с ним заодно насчет этой ямы с грязью.

– А он что, по грязи специалист? – усмехнулся Володя.

– Точно не знаю по чему, но прежде, до того как слег, был, говорят, большим ученым. Так что, может, и про грязь что-нибудь дельное скажет... Держи вот. – Мария Тимофеевна вручила Володе миску с кашей, накрытую стеклянной тарелкой.

– Так я еще чай не пил, – обиженно протянул Володя.

– После попьешь. Сначала покормите человека, а то еда стынет.

Тяжко вздохнув, Володя поднялся из-за стола.

– Баба Маша, тебе бы в армии цены не было. Ты бы там за год до генерала дослужилась.
– Я знаю, – невозмутимо сказала старушка и ложкой указала на дверь.

Покинув жилье бабы Маши, Сергей с Володей подошли к двери соседней квартиры.

– Постучим или позвоним? – спросил Володя.

– Если он лежачий больной, значит, дверь не заперта.

Сергей тихонько надавил на дверную ручку. Дверь и в самом деле оказалась не запертой.

– Ну, что?.. – посмотрел на Сергея Володя.

Тот неопределенно пожал плечами.

Честно признаться, Сергею тоже не очень-то хотелось идти знакомиться с умирающим человеком. Но раз уж баба Маша велела...

– Молодые люди!

Помахивая красной коробочкой, зажатой в руке, к ним направлялся пенсионер Штейн.

– Отлично выглядите, Соломон Юрьевич, – поприветствовал его Володя.

– Да уж! – довольнo улынулся Штейн. – И чувствую себя тоже замечательно! Нога совершенно не болит!

И в самом деле, Соломон Юрьевич шел, не опираясь, как обычно, на палку, а едва не пританцовывая. Да и лицо его, прежде напоминавшее комок серой мятой бумаги, выглядело несколько иначе – тут Володя не лукавил. Глубокие морщины и обвислые складки кожи вроде расправились, а щеки слегка порозовели.

– Вот! – Штейн помахал перед носом у Володи зажатой в руке красной коробкой. – Хочу отдать Илье Петровичу свои таблетки! А вы ведь тоже к нему?

Сергей коротко кивнул. Володя показал красную миску.

– Так чего же стоим? – Штейн надавил на ручку и открыл дверь. – Игорь Петрович! Уважаемый! Жив еще?..

– Здесь я... Проходите, – раздался приглушенный, сдавленный голос из комнаты.

Уже в коридоре явственно чувствовался тяжелый застоявшийся дух, характерный для помещения, в котором находится тяжелобольной. Смесь аптечного запаха, пота, несвежих простыней, подгоревшей овсянки, убежавшего кофе и еще чего-то очень трудно уловимого, но присутствующего неизменно. Запах безнадеги? Или смертный смрад уже начавшегося разложения?

Володя, признаться, опасался, что в комнате этот запах станет совсем невыносимым. Но вышло наоборот. В комнате было распахнуто окно, и коридорный запах почти не ощущался.

Игорь Петрович Кузякин, одетый в выцветшую полосатую пижаму, сидел на низкой софе. Постельные принадлежности были сдвинуты к стене. А рядом с ним лежала небольшая стопка старых потрепанных журналов. Больной был настолько худ, что, казалось, можно было увидеть кости сквозь плотно обтягивающую их желтоватую кожу. На голове у него имелось несколько клочков седых волос, торчащих в разные стороны. Нос был маленький, скулы высокие, а глаза узкие, почти как у азиата. Возраст его определить на взгляд было невозможно – болезнь добавляла ему десятков, а может, и не один, лет. Наверняка можно было сказать, что ему никак не меньше пятидесяти.

– Держи! – Соломон Юрьевич сел на софу рядом с больным и протянул ему упаковку с таблетками: – Хорошее обезболивающее!

– Спасибо. – Игорь Петрович сразу же выдал из блистера две большие белые таблетки, кинул их в рот и, не разжевывая и не запивая, проглотил.

И замер, зажмурив глаза. Как будто в ожидании эффекта.

– А как же ты сам, Соломон Юрьевич? – не открывая глаз, спросил больной. – Без лекарства-то?..

– Ты знаешь, Игорь Петрович, у меня нога-то совсем прошла! – Соломон Юрьевич стукнул себя кулаком по коленке. – Не поверишь, третий день таблетки не принимаю! А неделю назад же еле ходил!

Больной скривил губы в подобии усмешки и, приоткрыв левый глаз, скосил его на Штейна:

– Поверю. Я и сам себя лучше чувствую. На меня эти конфеты, – помахал он таблетками, что принес Соломон Юрьевич, – вообще не действовали. Только гидроморфон боль на время снимал.

Игорь Петрович открыл второй глаз и посмотрел на ребят. На лице его появилась заинтересованность. Видимо, обезболивающее начало действовать.

– Мария Тимофеевна вам поесть передала. – Володя показал больному пластиковую миску и глянул по сторонам, ища, куда бы ее поставить.

В комнате стояли два больших старых книжных шкафа со стеклянными дверцами на каждой полке, под завязку набитые книгами. На полу возле шкафов стопками были сложены еще книги и журналы. У окна располагался письменный стол с большим старомодным процессорным блоком и небольшим плоским дисплеем. Видимо, баба Маша не выдумывала – Игорь Петрович действительно занимался когда-то наукой. Хотя с таким же успехом мог и книжки писать. Второй вариант Володе даже больше понравился – он ни разу еще не встречал живого писателя. Впрочем, мертвых ему тоже видеть не доводилось.

– Поставь вон туда, – кивнул на табурет, подпиравший балконную дверь, Игорь Петрович.

– Это Сергей и Володя, – указал на гостей Соломон Юрьевич. – Сергей – из Москвы, по служебным делам к нам приехал. Ну, в смысле, не именно к нам с тобой, а к нам, то бишь в Кипешму. А Володя автобус водил. До тех пор, пока не утопил его в яме с грязью. Помнишь, я тебя рассказывал?

Игорь Петрович устало кивнул.

Володя поставил миску с кашей на табурет и сделал два шага назад.

– Ну, а теперь табурет сюда давай, – махнул ему рукой Игорь Петрович. – А то как же я есть буду?

Сообразив, что дал маху, Володя быстро переставил табурет поближе к софе.

Игорь Петрович снял прикрывавшую миску тарелку, взял в руку ложку и очень осторожно попробовал кашу. Как будто боялся, что она отравлена. Пожевав губами, он одобрительно кивнул и зачерпнул побольше.

– Надо же, – удивленно качнул он головой. – Я даже вкус еды начал чувствовать.

– А прежде не чувствовали? – спросил Сергей.

– Не то чтобы совсем не чувствовал. – Игорь Петрович зацепил еще каши на кончик ложки. – Но из-за постоянных болей вкус не имел никакого значения.

– То, что боль ослабла, это хорошо или плохо? – поинтересовался Володя.

Вопрос был не очень-то деликатный. Но Игорь Петрович отреагировал на него спокойно.

– Пока не знаю, – пожал он плечами.

И снова принялся за кашу.

– Мария Тимофеевна сказала, что вы ученый, – начал Сергей.

– Точно! – опередив больного, кивнул Соломон Юрьевич. – И не просто ученый, а большой ученый!

Глядя в миску с кашей, Игорь Петрович усмехнулся.

– А что, не так? – вскинув брови, посмотрел на него Соломон Юрьевич.

– Я был ученым. А теперь я полутруп... Или даже на две трети.

– А почему так? – спросил Володя.

– Что? – не поднимая головы, исподлобья глянул на него Игорь Петрович.

– Почему на две трети?

- Потому что у того, кто только наполовину, еще есть шанс выкарабкаться.
- А у вас, значит?..
- А у меня уже печени, почитай что, нет.
- Да будет тебе, Игорь Петрович, – попытался улыбнуться Соломон Юрьевич.
- Я знаю, что говорю, – перебил его больной.
- Так ведь сам же говоришь, что лучше себя чувствуешь.
- Так всегда бывает перед смертью.

Игорь Петрович произнес последнюю фразу ровным, абсолютно спокойным, лишенным каких бы то ни было эмоций голосом. Он не жаловался, не причитал, не пытался храбриться или язвить. Он констатировал факт. Хладнокровно и беспристрастно, как и подобает ученому. Игорь Петрович действительно знал, что говорил. И он принимал свою смерть не как наказание и даже не как неизбежность. А как реальность, как еще одну закономерную стадию жизненного процесса. Поэтому ему совершенно не было страшно. Только боль – постоянная, нестерпимая, изматывающая – совершенно выводила из себя. Главным образом потому, что мешала думать. А перед смертью человеку о многом следует подумать. Не для того, чтобы попытаться что-либо исправить, а чтобы все понять.

Сергей был молод, смертельная болезнь не грызла его тело, поэтому он все неправильно понял. Он решил, что Игорь Петрович находится на грани отчаяния и, может быть, уже не в состоянии адекватно оценивать то, что происходит вокруг. Сергей решил, что больной ждет смерть, поскольку убедил себя в том, что за ней последует другая жизнь. Такое случается с самыми светлыми умами, когда их обволакивает смертная тень. Говорят, перед лицом неизбежной смерти люди готовы на все: на ложь, на предательство, на клятвопреступление, на самообман и даже на сделку с совестью. Вот Сергей и решил, что нечто подобное происходит сейчас с Игорем Петровичем, мозг которого отчаянно и безнадежно ищет путь к спасению. Самым правильным, как он полагал, в такой ситуации будет увести разговор, а следовательно, и внимание больного в сторону от темы неизбежного.

– А какая у вас специальность? – поинтересовался Сергей, стараясь проявлять искренний интерес.

– Антропология, – ответил Игорь Петрович, прожевав очередную ложку каши.

– Вы кости собирали! – совершенно неуместно хохотнул Володя.

Даже Соломон Юрьевич, посмотрев на него, строго сдвинул брови.

А вот сам Игорь Петрович отнесся к Володиному утверждению совершенно спокойно.

– Нет, кости собирали другие, – сказал он. – Я их изучал... Про Отци – ледяного человека слышали?

Ребята переглянулись.

– Нет, – ответил за обоих Сергей.

– Молодежь, – снисходительно усмехнулся Соломон Юрьевич. – Они небось и про Тутанхамона ничего не знают!

– Ну, это вы зря, Соломон Юрьевич, – обиделся Володя.

– А про Кетцалькоатля?

– Ну, это ты уже хватил, Соломон, – покачал головой Игорь Петрович. – К тому же это совсем из другой оперы. А Отци, – посмотрел он на ребят, – это человек, живший пять тысяч триста лет тому назад.

– То есть, – Володя быстро прикинул в уме, – еще до рождества Христова?

– Задолго, – заверил его Игорь Петрович. – Он намного старше египетских мумий, но при этом тело его, обнаруженное вмерзшим в лед в Альпах, на границе Италии и Австрии, сохранилось намного лучше. И его не препарировали жрецы, готовившие мертвеца к загробной жизни. Так что нам удалось получить неповрежденные образцы ткани и крови Отци и даже узнать, что он ел последний раз в жизни.

Игорь Петрович усмехнулся и снова принялся за кашу. Он ел не торопясь, медленно, тщательно пережевывая каждую отправленную в рот порцию. Как будто опасался, что в каше может попасться камешек, о который легко сломать зуб.

– А про Сезон Катастроф вы слышали? – решил все же коснуться интересующей его темы Сергей.

Игорь Петрович молча, не поднимая головы, кивнул.

– И... что вы об этом думаете?

– Ничем хорошим это нам не светит.

– Нам?

– Нам. – Игорь Петрович ложкой нарисовал в воздухе круг. – Всему человечеству.

– А конкретно нам? Тем, кто застрял на этом пяточке, именуемом Тринадцатым микро-районом?

Чуть приподняв голову, Игорь Петрович глянул на Сергея:

– Хочешь сказать, что мы оказались в аномальной зоне?

– Ну... – боясь сказать что-то не то, Сергей помахал руками. – Вообще-то, очень на то похоже.

– Мне тоже так кажется, – кивнул больной.

– Постой! – вскинул руки с раскрытыми ладонями Соломон Юрьевич. – Погодите-ка! Но ведь если мы оказались в аномальной зоне, нас должны отсюда эвакуировать!

– Кто? – коротко спросил Игорь Петрович.

– МЧС... Власти...

– Центральной власти давно уже нет. Москву затопило, правительство умотало, не то в Казань, не то еще куда-то...

– А как же он? – указал на Сергея Володя. – Он ведь из Москвы к нам приехал.

– Москва большая, – пожал плечами Сергей. – Центр затопило. Кремль вообще глубоко под воду ушел. В метро теперь только дайверы спускаются. Где-то просто заболоченность сильная. И постоянно дождь льет. А на новых территориях, что только в двенадцатом году к Москве присоединили, в основном сухо. Это же уже за границей Московской аномальной зоны. Многие из центра туда перебрались. А наш институт еще до катастрофы переехал. По распоряжению партии и правительства, так сказать.

– Странно, что при таком бардаке еще что-то работает, – недоумевающе пожал плечами Володя. – Вот ведь ты какую-то документацию нам привез... На фиг? Кому это сейчас нужно?

– Вот именно! – ложкой указал на него Игорь Петрович. – А отсюда мораль: никто не станет нас спасать. Потому что аномальная зона – это как большой чирей на заднице. Если его не трогать, так его вроде и вовсе нет, потому как – не видно. А тронешь – болит. И того хуже, лопнуть может. Тогда гноем все вокруг зальет.

– Ну, у тебя и метафорки, Игорь Петрович! – поморщился Соломон Юрьевич.

– Да уж какие есть, – развел руками больной. – Наши российские власти сверху донизу, везде и повсюду действуют одинаково. Что бы ни случилось, нужно делать вид, что ничего необычного не происходит и у тебя есть план, как действовать в такой ситуации. Главное – не делать никаких резких движений. Лучше всего – вообще ничего не делать. Если все само собой рассосется, будешь говорить, что это твоя заслуга. Рванет, так что все накроет, – ну, так ты к этому никакого отношения не имеешь. У нас ведь, как водится, виноватым оказывается тот, кто пытается что-то делать. Эдакий дзен отечественной штамповки. Что нам известно про аномальные зоны?..

– Ну, там всякие странные штуки происходят... – начал было демонстрировать свою осведомленность Володя.

– По сути! – перебил его Игорь Петрович.

Володя озадаченно поджал губы.

– Ничего! – многозначительно изрек Соломон Юрьевич.

– Вот именно, – кивнул Игорь Петрович. – Вообще – ничего! Поэтому, с точки зрения властей, самое лучшее, что можно сделать, если на твоей территории образовалась аномальная зона, это обнести ее кордоном и ждать, что дальше произойдет.

– А что может произойти? – спросил Сергей.

– Все, что угодно, – ответил Игорь Петрович.

Причем сказал он это так, что сразу стало ясно – ничего хорошего ожидать не следует.

Глава 7

21 мая. День

– Гелий Петрович! – Сергей постучал в дверь квартиры пенсионера Изюмова.

Хозяин сразу же распахнул дверь. Как будто стоял у порога в нетерпеливом ожидании гостей. Был он, как всегда, одет в спортивный костюм, на этот раз светло-голубого цвета. Грудь колесом, живот подтянут, подбородок – гладко выбритый, с ямочкой – высоко вскинут, седые волосы аккуратно назад зачесаны. Несмотря на возраст, Гелий Петрович старался держаться молодцом. И, надо сказать, это ему отлично удавалось.

– В чем дело, молодые люди? – быстро глянул он сначала на Сергея, затем на стоявшего позади него Володю.

– Гелий Петрович, у нас проблема, – начал Сергей.

– Именно у вас или же у всех нас? – уточнил Изюмов.

– У всех, – мрачно буркнул Володя.

– Продолжайте, – кивнул Гелий Петрович.

– Вчера, двадцатого мая, должен был приехать хозяин Олиного магазина. Мы целый день дежурили у провала. Он стал еще шире, но другой берег еще видно. Так вот, никто не приехал. Из чего можно сделать вывод, что мы отрезаны от внешнего мира. И причина тому вовсе не канава с жидкой грязью.

– Ну, мы вроде бы как раз и предполагали что-то подобное, – глубокомысленно шевельнул бровями Гелий Петрович.

– Предполагали, – кивнул Володя. – А теперь точно знаем. Какой хозяин по собственной воле бросит свой магазин? С товарами, выручкой и симпатичной продавщицей?

– Верно, молодой человек. – Гелий Петрович кивнул и двумя пальцами ухватил себя за подбородок. – Так что же, получается, ситуация приобретает серьезный оборот?

– Более чем, Гелий Петрович, – сказал Сергей. – Самое время всерьез задуматься о том, как жить дальше. Мы на необитаемом острове. Но если у Робинзона были пальмы с бананами и кокосами, птицы, несущие яйца, козы, жующие траву, и полный океан рыбы, то у нас единственный источник средств к существованию – Олин магазин.

– Мне кажется, я понимаю, о чем вы, – произнес негромко Гелий Петрович, продолжая мять пальцами раздвоенный мясистый подбородок.

– Да что тут понимать! – прямо заявил Володя. – Необходимо взять на учет все имеющиеся в магазине запасы продуктов питания! И прочих товаров первой необходимости! Нужно хотя бы прикинуть, сколько мы сможем на этом протянуть!

То, что ребята обратились с этим вопросом не к кому-нибудь, а именно к Гелию Петровичу Изюмову, было очевидным и правильным решением. Гелий Петрович в прошлом служил в армии и имел чин капитана. И хотя на службе он занимался тем, что тренировал любительскую команду округа по легкой атлетике, тем не менее был он по-армейски аккуратен, обстоятелен и конкретен. А кроме того, или, может быть, именно потому, как уже успели заметить ребята, пользовался авторитетом у всех прочих жителей Тринадцатого микрорайона. Дабы операция по захвату магазина прошла без эксцессов и не вызвала непонимания у местного населения, Сергею с Володиёй просто необходимо было опереться на авторитет такого человека, как Гелий Петрович Изюмов. Хотя, конечно, они предварительно обсудили этот вопрос с бабой Машей, Соломоном Юрьевичем и Игорем Петровичем, которому, на удивление всем, с каждым днем становилось заметно лучше, и от всех троих получили на словах поддержку.

Проблемными, по общим прикидкам, могли оказаться Лифкин из четырнадцатой квартиры, поскольку был себе на уме, Лыков из четвертой, потому что, по общему мнению, был жаден, и студент Саша Цвеков, который млел от продавщицы Оли и, конечно же, займет ее сторону, когда она откажется отдать ключи от магазина чрезвычайному комитету граждан Тринадцатого микрорайона. Еще вызывал сомнения жилец из восемнадцатой, который и прежде почти не выходил из квартиры, а после достопамятного события десятого мая так и вовсе ни разу не показывался, поэтому о нем никто ничего не знал.

– Абсолютно верное решение, молодые люди! – уверенно и решительно заявил Гелий Петрович. – Предлагаю заняться этим прямо сейчас!

– Ну так идемте! – призывно взмахнул рукой Володя.

– Секундочку... – Гелий Петрович ненадолго скрылся в своей квартире.

Вернулся он с китайской авторучкой и тонкой ученической тетрадкой, на которой во всей красе и при амуниции был изображен знаменитый сталкер Гупи.

– Для записей, – сообщил он ребятам. – Чтобы никто потом не смог обвинить нас в небрежности или, того хуже, в злоупотреблении служебным положением.

Ребята согласно закивали.

Гелий Петрович закрыл дверь квартиры и решительной спортивной походкой направился к лестнице. Двери в Тринадцатом микрорайоне со дня случившейся катастрофы никто не запирали. Ну, разве что никому не знакомый жилец из восемнадцатой.

– Слушай, мне кажется или у Гелия прежде голова была абсолютно белая? – шепотом спросил у приятеля Володя.

– Ну, точно, – кивнул Сергей.

Вдвоем они едва поспевали за бодро вышагивающим впереди пенсионером в спортивном костюме.

– А теперь-то, смотри, – кивнул на Изюмова Володя, – у него сзади темные пряди появились.

– Верно, – согласился Сергей. – Раньше их не было.

– И что это значит?

– Откуда я знаю?.. Может быть, он красит волосы?

– Отдельными прядками? – Володя усмехнулся и отрицательно мотнул головой. – Нет, дело не в этом.

– А в чем тогда?

– Смотри: Кузякин, умирающий от цирроза, начал лучше себя чувствовать. Штейн прежде без палки не мог и шагу сделать, а теперь скачет по лестницам, как молодой. Да и голова у него варит не в пример лучше, чем в первую нашу встречу. Баба Маша, помнишь, вчера обмолвилась, что у нее уже третий день спина не болит? А у Гелия седые волосы снова темнеть начали.

– Это, наверное, из-за стресса.

– Чего?

– Из-за стресса, говорю.

– Из-за какого такого стресса?

– Ты полагаешь, то, что мы оказались отрезанными от всего мира, не стало для стариков стрессом?

– Ну, может, и стало. Только при чем тут это?

– В стрессовых ситуациях организм мобилизует все свои резервы. И тут возможны разные фокусы. Как кажущееся временное улучшение общего самочувствия, так и самоизлечение различных хронических заболеваний.

Володя задумался.

– Ну, ладно, у бабы Маши перестала болеть спина. Это я еще могу понять. Но цирроз-то не излечивается!

– Я же сказал, временное кажущееся улучшение.

– То есть через какое-то время Кузякин снова помирать начнет?

– Не знаю, – пожал плечами Сергей. – Я же не специалист.

– А чего ж тогда говоришь?

– Говорю, что знаю. У тебя есть другое мнение?

– Есть.

– Слушаю.

– Старики наши молодеть начали.

Сергей усмехнулся и с сомнением покачал головой:

– С чего бы вдруг?

– Так мы же в аномальной зоне. Может быть, тут время движется вспять.

– Слишком быстро движется.

– Ну, может, климат здесь какой благотворный.

– Тогда сюда билеты как на курорт продавать можно.

– А я про что! – азартно щелкнул пальцами Володя. – Нужно только это дело правильно и своевременно юридически оформить. Пока кто другой нас не опередил!

– Ты это серьезно? – искоса посмотрел на приятеля Сергей.

– А то! – гордо дернул подбородком Володя.

– Ну, попробайся, – усмехнулся Сергей.

– Да я не знаю как, – с сомнением цокнул языком Володя. – А ты что же, не хочешь поучаствовать?

– Не сейчас.

– Потом будет поздно. Когда все про это прознают...

Сергей сделал Володе знак рукой, призывая временно прикрыть эту тему. Они уже подошли к магазину. И сейчас на повестке дня стояло не учреждение товарищества, занимающегося организацией курортно-оздоровительной зоны на территории Тринадцатого микрорайона, а вопрос выживания этого самого Тринадцатого микрорайона в условиях полной изоляции от внешнего мира.

Так ведь сразу и не решишь, какая задача труднее.

Глава 8

21 мая. День

В магазине, помимо продавщицы Оли, находился Саша Цвеков, который, как обычно, делал вид, что изучает витрину. Сегодня его интересовала дешевая бижутерия – заколки с бабочками, сережки со смайликами, брошки с черепами, пластиковые браслетики и стеклянные бусы. У прилавка стоял жилец из четвертой квартиры, Лыков Дмитрий Вольфович. Невысокого роста, с большим выпирающим животом и монументально округлой головой, увенчанной розовой лысиной, будто посаженной прямо на плечи. Мизантроп Лыков всегда и везде смотрел на всех исключительно недружелюбно, а то и с подозрением. Как советский турист на вражеской территории, он будто так и ждал какой-нибудь неадекватности, а то и хуже того, провокации. Рядом с ним стояла большая сумка на колесиках, под завязку чем-то загруженная.

– День добрый, – с порога улыбнулся всем присутствующим Гелий Петрович.

И по одной только его улыбке сразу можно было понять, что пришел он не за коробком спичек, не за пачкой соли и даже не за бутылкой растительного масла.

Как-то странно, почти неестественно повернув голову, Лыков подозрительно посмотрел на вошедших и принялся суетливо отсчитывать зажатые в кулаке деньги. Бросив деньги на прилавок, он схватил за ручку свою сумку и, глядя в пол, покатиł ее к выходу.

– А вас я попрошу остаться! – вытянутой рукой перекрыл ему дорогу Гелий Петрович.

Лыков молча и упрямо попытался обойти неожиданно возникшую перед ним преграду.

– Мы как раз вовремя, – усмехнувшись, встал рядом с Изюмовым Володя.

Ольга удивленно наблюдала за происходящим. Даже Саша перестал изучать витрину. Происходило действительно нечто странное. Не зная причин, можно было даже решить, что Гелий Петрович немного не в себе. Обкурился чего или выпил лишнего, а потому и ведет себя неадекватно.

– Какого черта? – Из-под густых бровей глянул на стоящего у него на пути пенсионера Лыков.

– Позвольте полюбопытствовать, что у вас в сумочке? – вежливо осведомился Гелий Петрович.

– Не позволю, – буркнул в ответ Лыков.

– Это почему же? – изображая удивление, чуть приподнял левую бровь Гелий Петрович.

– Потому что это моя сумка. И то, что в ней лежит, тоже мое.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – грустно и безнадежно вздохнул Гелий Петрович. – Я так полагаю, в сумке у вас продукты, приобретенные в этом магазине?

– А вот как хочешь, так и полагай, – зло зыркнул на него Лыков. – Купил – значит, мое. Дай пройти!

– Увы, – как будто с сожалением развел руками Гелий Петрович. – Не имею права.

– Да что вы к нему привязались? – подала голос из-за прилавка Ольга. – Он за все заплатил! – Она показала мятые купюры.

– Он купил продукты питания? – посмотрел на продавщицу Гелий Петрович.

– Ну да, – кивнула та. – А еще мыло и спички.

– Не многовато ли для одного? – насмешливо взглянул на Лыкова Володя.

Тот держался за свою сумку, как пассажир «Титаника» за последний спасательный круг.

– Уйди с дороги, – пробурчал он в ответ.

– А что, если нет?

Лыков еще крепче сжал руки на ручке сумке, так, что костяшки побелели. А лысина старика сделалась багровой и покрылась мелкими капельками пота.

– Так, Олечка, – не сходя с места, Гелий Петрович указал пальцем на продавщицу. – Верните товарищу Лыкову его деньги. – Он направил палец на красную влажную лысину. – Торговля закрывается.

– Что? – Глаза продавщицы, казалось, вот-вот вылезут из орбит. – Это кто сказал?

– Да! – решительно стал на защиту продавщицы студент Саша. – По какому праву?

– По праву чрезвычайного комитета граждан Тринадцатого микрорайона! – гордо провозгласил Гелий Петрович.

И выставил грудь колесом. Как будто ожидал, что ему на нее прицепят орден. Ну, или хотя бы медаль.

– Эй! Вы это кончайте! – замахала на него пальцем Ольга. – Мне за магазин перед хозяином отвечать!

– Где твой хозяин, Оля? – подойдя к прилавку, спокойно спросил Сергей. – Он ведь вчера должен был приехать.

– Его задержали дела! – вскинула подбородок Оля.

Видно было, что она едва сдерживает слезы. Ольге отчаянно, изо всех сил не хотелось верить в то, что она вместе с остальными оказалась брошенной здесь, в этом проклятом Тринадцатом микрорайоне, на произвол судьбы.

– Да не дела его задержали, – все так же спокойно произнес Сергей. – А то, что проезд в зону закрыт.

– В какую еще зону? – нижняя губа Ольги мелко задрожала. – В какую, я тебя спрашиваю, зону?!

– В аномальную зону, где мы сейчас находимся. – Сергей улыбнулся и развел руки в стороны.

– Дайте пройти, – упрямо мычал меж тем Лыков.

– Да мы тебя и не держим, – сказал Володя. – Можешь валить, куда тебе вздумается. Вот только сумку оставь.

– Сумка моя! И то, что в ней, тоже мое!

– Не угадал, – усмехнулся Володя. – Ты, приятель, покусился на народную собственность. Знаешь, что за это полагается?

– Я все это купил здесь, в магазине, за свои, честно заработанные деньги.

– Все продукты питания, имеющиеся в магазине, переходят под контроль чрезвычайного комитета, – прояснил ситуацию Гелий Петрович. – В том числе и те, которыми набита ваша сумка, товарищ Лыков.

– Сами будете жрать, а остальных голодом заморите, – процедил сквозь зубы Лыков.

– Вы, наравне с остальными, будете получать норму, установленную чрезвычайным комитетом, – сохраняя невозмутимость, заявил Гелий Петрович.

– Какой еще чрезвычайный комитет? – пуще прежнего вытаращила ничего не понимающие глазница Ольга.

– Какая норма?

– Да! – сунулся было вперед Саша. – Тут вы, уважаемые, зарвались!..

– Помолчи, – ткнул его пальцем в грудь Сергей.

– Действовать следует по закону! – патетически воскликнул Саша.

Однако на последнем слове голос его сорвался на фальцет и тем самым смазал все впечатление.

– Где твой закон? – пристально посмотрел на него Сергей и красноречиво развел руками: – Нету! Теперь в Тринадцатом микрорайоне закон – это мы все. – Сергей перевел взгляд на Ольгу. – Нам всем сейчас следует думать о том, как выжить. Иначе такие, как этот, – кивнул

он на Лыкова, – растащат все по своим холодильникам. А остальным действительно останется только лечь и помереть с голоду.

– Давай сумку, – ухватился за пластиковую ручку Володя.

– Не дам! – волком глянул на него Лыков.

– Я кому сказал, давай! – замахнулся свободной рукой бывший водитель.

– Володя! – жестом остановил его Гелий Петрович. – Действовать нужно не так.

Он подошел к прилавку и легко, сказав только: «Позвольте», – выдернул из руки продавщицы деньги Лыкова. Затем вернулся и сунул деньги в карман пиджака незадачливого покупателя.

– Это – ваше, – сказал он и сжал пальцами запястье лыковской руки, цеплявшейся за ручку сумку. – А это, извините, наше.

Пальцы Лыкова будто сами собой разжались. Гелий Петрович быстро перехватил сумку за ручку и изящным движением отправил ее себе за спину:

– Всего доброго, гражданин Лыков.

– Верни сумку! – зарычал Лыков.

Пальцы его сжались в кулаки, а лысина сделалась похожей на солнце, тонущее в море.

– Неправильное решение, – улыбнулся Гелий Петрович. – Во-первых, я сильнее вас, во-вторых, лучше подготовлен, в-третьих, на моей стороне двое молодых крепких парней. – Он сделал короткую, но весьма эффектную паузу и спросил: – Есть еще вопросы?

– Ты!.. Вы все еще пожалеете об этом! – прорычал Лыков.

Вне себя от злости, он метнулся к выходу и, вылетев на улицу, от всего сердца хлопнул дверью.

– Ну вот, – Гелий Петрович подкатил сумку Лыкова к прилавку, – теперь можно и делом заняться.

Володя открыл сумку.

– Ну ни фиги себе! Знал ведь, что брать! Консервы, копченая колбаса, мука... Все продукты длительного хранения. – Он вдруг замер, осененный внезапно возникшей догадкой, и посмотрел на Ольгу: – Он ведь не первый раз с этой сумкой приходит?

– Сегодня только третий раз, – ответил та. – А еще вчера четыре раза приходил. И позавчера тоже...

– Видали, каков жук! – посмотрел на своих спутников Володя. – Запасы делает, зар-раза!

– Ну, за день-другой он все это не съест, – кивнул Гелий Петрович. – А попозже мы им займемся.

– Слушайте, что вы затеваете? – недоуменно спросил Саша.

– Необходимо произвести опись всех имеющихся в магазине товаров, – Гелий Петрович положил на прилавок тетрадь со сталкером Гупи на обложке. – А торговлю, Олечка, извини уж, придется закрыть.

– А как же мне потом с хозяином разбираться? – спросила продавщица.

С тем, что товарами в ее магазине теперь будут распоряжаться другие, она уже смирилась. Но отвечать потом за все одна она не собиралась.

– Не тревожься, Олечка. – Гелий Петрович похлопал ладонью по принесенной тетрадке: – Все будет официально оформлено. Ежели вдруг твой хозяин объявится, разбираться с ним будет чрезвычайный комитет. – Он посмотрел на остальных, как будто хотел убедиться в том, что они его всецело поддерживают. – Ситуация ведь и в самом деле чрезвычайная.

– Да, куда уж круче, – хмыкнул Володя.

Сергей кивнул.

Один лишь Саша был явно недоволен происходящим. То ли потому, что таким образом все еще пытался продемонстрировать свою поддержку Ольге, то ли потому, что так и не смог до конца понять всю серьезность ситуации.

– Так что же мы теперь, как в блокадном Ленинграде, будем ежедневную пайку получать? – спросил он, обращаясь одновременно ко всем трем членам чрезвычайного комитета граждан.

Гелий Петрович повернулся к нему, заглянул в голубые глаза и положил руку на плечо:

– Сашок, это лучше, чем тоскливо глядеть в пустой холодильник и думать о том, что ты будешь есть завтра. – Он чуть крепче сжал плечо студента. – Уж мне-то можешь поверить.

У Саши, похоже, еще оставались сомнения, да и возражения он мог найти. Но, во-первых, полемистом он был никудышным и сам о том прекрасно знал, во-вторых, он понимал, что спорить с Изюмовым сейчас не имеет смысла, поскольку Гелий Петрович все равно сделает все так, как решил, в-третьих... Впрочем, достаточно было и первых двух пунктов для того, чтобы завершить разговор. Но, дабы все же не упасть в глазах продавщицы Оли, студент Саша крайне скептически поджал губы, повернулся к витрине и ткнул пальцем в первое, что попало на глаза:

– Могу я купить это?.. Нет, это мне, пожалуй, не надо, – тут же дал он обратный ход, сообразив, что собирается купить бритву. – Лучше вот это! – указал он на ремешок для часов.

Оля взглядом переадресовала вопрос Саши Гелию Петровичу.

Тот едва заметно улыбнулся и молча кивнул.

Получив то, что хотел, Саша с гордо поднятой головой удалился.

Оля выложила на прилавок связку ключей, нанизанных на кольцо с большим круглым брелоком, на котором был изображен медведь, зажавший в зубах огромный мешок.

– Ну, и как мы будем делать опись?

– По порядку, – спокойно и уверенно ответил Гелий Петрович. Глядя на него, можно было подумать, что всю свою жизнь он только и занимался ревизиями небольших торговых точек. – Начнем со скоропортящихся продуктов. Затем перейдем к продуктам длительного хранения. Закончим средствами гигиены и прочими предметами повседневного спроса. Всякие там заколки, ремешки для часов, детские игрушки и канцелярия нас не интересуют.

– Пока не интересуют, – уточнил Сергей.

– Ты полагаешь, что может и до этого дойти? – серьезно посмотрел на него Изюмов.

– Все может стать, Гелий Петрович, – так же серьезно ответил Сергей.

– Тогда сначала холодильники, затем – подсобка, – сделала вывод Ольга. – Только имейте в виду, – тут же предупредила она, – в подсобке у меня пауки бегают.

– Что за пауки? – строго сдвинул брови Гелий Петрович. – Почему не боретесь?

– Да бесполезно с ними бороться, – махнула рукой Ольга. – Они непонятно откуда берутся и невесть куда исчезают... Да и продукты они не трогают.

– Это ж пауки, – усмехнулся Володя. – Они крупу не едят. Они мух ловят.

– Эти не ловят, – уверенно мотнула головой Оля. – Эти пауки здоровые, размером с ладонь. И ноги у них со всех сторон торчат, тонкие, но не меньше десятка.

Сергей с Володей молча переглянулись.

– У пауков только восемь ног, – авторитетно заявил Гелий Петрович.

– У этих больше, – не менее уверенно возразила Ольга.

– Точно, – кивнул Володя. – Мы с Серегой одного такого паука видели. Хотели поймать, а он будто растворился.

Гелий Петрович непонимающе сдвинул брови. Он точно знал, как выглядят пауки. И примерно представлял, каких размеров паука можно встретить в средней полосе России. Сантиметр. Ну, может, два. Но никак уж не с ладонь! Поэтому у Изюмова складывалось впечатление, что молодежь, не сговариваясь, а может быть, и как раз наоборот, заранее договорившись, решила над ним подшутить. Изюмов шутки понимал, да и сам малость победокурить любил. Но сейчас, во-первых, ситуация была для юмора неподходящая. Они пришли в магазин с более

чем серьезными намерениями. И искать повод для шуток, по мнению Гелия Петровича, было совершенно излишним. А во-вторых, ну почему именно пауки? Что в этом смешного?

– Я тоже это видела, как они исчезают, – продолжала между тем Ольга. – Добегает до стены, а потом – бам! – и нет его.

Гелий Петрович отчаянно пытался решить, как ему реагировать на подобные нелепицы. Но ничего определенного ему в голову не приходило. Поэтому он лишь спросил:

– И тебе не страшно здесь? Со всеми этими пауками?

– Да я пауков не боюсь, – улыбнулась Ольга. – Вот змеи – это другое дело. Они холодные, скользкие и вертлявые.

Сергей припомнил паука, которого они с Володиёй пытались поймать. Несмотря на свои немалые размеры, паук и правда не вызывал ни страха, ни омерзения.

– Он был похож на детскую игрушку, – сказал Сергей.

– Точно! – улыбнувшись, кивнула Ольга. – Бегают, как заводные!

Гелий Петрович озадаченно прикусил верхнюю губу. Затем одним движением смахнул с прилавка ключи:

– Все! Делом занимаемся!

Глава 9

21 мая. День

Ревизия в магазине результаты дала неутешительные. По самым оптимистичным прогнозам, протянуть на имеющихся запасах еды удастся не далее чем до середины осени. Даже с учетом того, что успел утащить к себе домой Лыков из четвертой квартиры, получалось, что к началу декабря есть будет нечего. То есть абсолютно нечего. Хотя с точки зрения диетологии и без того дело обстояло плохо. Мясных консервов и овощей было совсем мало. Так что в скором времени всем предстояло перейти на постную кашу и макароны.

Кризис наступал на пятки.

Впереди маячил долгий вынужденный пост.

Дабы выработать пакет антикризисных мер, чрезвычайный комитет граждан решил вновь собрать всех жителей микрорайона. Лыков, однако, на собрание не пришел. Видимо, потому, что считал себя несправедливо обиженным. Не явился также и Лифкин из четырнадцатой, который по непонятной причине вообще ни с кем не желал знаться. Зато, к всеобщему удивлению, на собрание пришел Игорь Петрович Кузякин. Вид у него все еще был больной, однако он уже не корчился постоянно от нестерпимых болей. И даже порой улыбался. Увидав Игоря Петровича, Самсонов тут же принялся жать ему руку, приговаривая:

– Отлично выглядишь, Кузякин! Ну, просто гвардеец!

А потом вдруг, со свойственной ему прямоотой, взял да и брякнул:

– Знать, одним ртом больше будет!

Услыхав такое, Мария Тимофеевна тихо охнула и прикрыла рот ладошкой.

Олег же Игоревич как ни в чем не бывало, радостно улыбаясь, продолжал трясти руку Кузякина, обидеть или как-то еще задеть которого он вовсе не намеревался.

По счастью, Игорь Петрович все правильно понял. Он вообще был человеком умным и все прекрасно понимающим.

Подробно рассказывать о ходе собрания не имеет смысла. Да и место это заняло бы немало.

Шуму было много. Мнений самых различных было высказано предостаточно. Однако несколько острых перепалок, возникших по ходу обсуждения поставленных перед коллективом вопросов, так и не переросли в открытые конфликты. По большей части благодаря деликатности и такту Гелия Петровича Изюмова, который исключительно профессионально вел собрание. Слово он, как правило, предоставлял именно тому, кому следовало, а заболтавшимся говорунам очень вовремя напоминал о регламенте, который, кстати, никто не утверждал. А по завершении дебатов Гелию Петровичу всякий раз удавалось сделать очень точное обобщающее заключение, которым оставались довольны даже те, кто незадолго до этого ратовал за диаметрально противоположную точку зрения.

В итоге были приняты следующие решения.

Продавицу Ольгу, которая наравне с остальными присутствовала на собрании, переселить из магазинной подсобки в одну из пустующих квартир. Так она станет полноправным членом коллектива, а магазин все равно торговать уже не будет.

Лыкова Дмитрия Вольфовича – раскулачить. То бишь изъять у него все те излишки продуктов, что он за последние несколько дней изворотливо натаскал к себе в квартиру из магазина. Все изъятые продукты поступят в общую собственность. Ответственными за выполнение

этого решения, понятное дело, были назначены Сергей Косарев, Владимир Шумилов и Гелий Изюмов. Кому же еще, как не им, можно было доверить столь ответственную миссию?

Никаких продовольственных норм решено было не устанавливать. Мария Тимофеевна Оконцева взялась готовить на всех. Посему ей в помощь была выделена бывшая продавщица Ольга Сенько. А студент Саша Цвеков сам вызвался им помогать. Баба Маша сначала отнеслась к предложению Саши скептически. Но, подумав, решила, что можно будет использовать его хотя бы в качестве посудомоя. В одной из свободных квартир решено было оборудовать общую кухню и столовую. Кто не захочет есть со всеми вместе, сможет забирать свою порцию домой. Только тогда уж и посуду будет мыть сам. Так же единогласно проголосовали и за то, что Лыков с Лифкиным должны получать равные со всеми порции. Хотя поначалу высказывались мнения, что обоим следовало бы наказать за неявку на общее собрание. А Лыкова еще и отдельно за шкурничество покарать – предложение Самсонова. По счастью, благоразумие, здравомыслие и обычная человеческая доброта в конце концов возобладали. Как и следовало ожидать.

Это все были вопросы первостепенной важности.

Далее.

Поскольку у жителей Тринадцатого микрорайона появились серьезные сомнения насчет того, что их кто-то станет спасать, а продуктов, скорее всего, и до зимы не хватит, возникал исконно русский вопрос: что делать? То бишь как дальше жить?

Ко всеобщему удивлению, ответы на эти непростые вопросы нашлись. Может быть, не совсем те, что хотелось бы услышать. Но в сложившейся ситуации даже что-то было лучше, чем ничего.

Олег Игоревич Самсонов предложил заняться охотой. Поскольку недостроенные дома были подняты один до пятого, а другой – до седьмого этажа, да так и брошены, с уложенными плитами перекрытий и лестницами, но без стен, Самсонов предложил устроить на верхних этажах полуавтоматические ловушки, которые он сам же собирался изготовить.

– И кого же, позвольте спросить, вы рассчитываете в них поймать? – насмешливо поинтересовался Лев Иммануилович Кугель. – Гусей или рябчиков? А может быть, фазанов?

– Голубей и ворон, – с исключительным спокойствием отвечал ему Самсонов. – Уверяю вас, Лев Иммануилович, когда закончится тушенка, вы с удовольствием будете кушать мясо этих птичек.

– В Средние века во Франции ворон и голубей ели только аристократы, – добавил Игорь Петрович. – А куры и гуси считались едой для низшего сословия.

После такой ремарки Олег Игоревич получил лицензию на отлов птиц. В помощь ему был выделен все тот же Саша Цвеков, в то время, когда он не будет занят на кухне. А Лев Иммануилович обещал наладить бесперебойную работу коптильни, если вдруг мяса птиц будет так много, что его придется запастись впрок.

Семен Семенович Поперекин, бывший учитель природоведения, предложил разбить огород, а ближе к осени обустроить теплицы. Земли было предостаточно – ее привезли для газонов, да так и свалили кучами на краю строительной площадки. Подняв землю на этажи недостроенных домов, можно было сделать там отличные искусственные грядки. А к холодам можно было перенести часть из них в незаселенные квартиры. Поскольку горячая вода в доме имелаась, оставалось надеяться, что и отопление с наступлением холодов тоже включат. Если ж отопления не будет... Ну, тогда и говорить было вовсе не о чем.

Так вот, возникал вопрос, что сеять на грядках, которые брался соорудить Поперекин. Он сам располагал коллекцией семян, среди которых, разумеется, имелись и семена сельскохозяйственных культур. Однако количество их было удручающе малым. Но тут Мария Тимофеевна заявила, что хорош, мол, есть картошку, а ту, что еще осталась, следует пустить в посев. С этим никто спорить не стал. Ольга же вспомнила, что в магазинной подсобке под стеллажи была засунута коробка, набитая пакетиками с семенами. Хозяин магазина привез ее, видимо,

по ошибке, да так и забыл. Что там в точности было, Ольга не помнила. Может быть, просто цветы, а может, и что-то дельное. В любом случае следовало посмотреть.

Под конец собрания Соломон Юрьевич Штейн вновь поднял вопрос о том, что нужно попытаться каким-то образом связаться с Большой землей. Телефонная линия в Тринадцатый микрорайон проложена не была. Мобильная связь не работала, и вряд ли стоило надеяться на то, что она вдруг сама собой, каким-нибудь волшебным образом включится. Не работали также телевидение, радио и Интернет. Но если не действовали современные средства связи, может быть, стоило попытаться использовать что-нибудь архаичное, но надежное? Что-нибудь вроде голубиной почты?

– Нет, голуби не годятся, – уверенно заявил Поперекин. – Местные голуби дальше мусорной свалки не летают.

– А если и летают, то в городе никто не станет рассматривать, что там у них к лапкам привязано, – добавил Штейн.

– Может быть, подать сигнал дымом? – предложил Самсонов. – На стройке полно rubble-роида.

– И что это даст? – пожал плечами Володя.

– На Большой земле увидят дым и поймут, что здесь есть люди.

– Или решат, что на свалке начался пожар.

– Выпуская дым с определенной периодичностью, можно подавать сигналы, закодированные азбукой Морзе, – сказал Кузякин. И тут же сам себе возразил: – Хотя для того, чтобы такие сигналы были расшифрованы, нужно, чтобы кто-то понял, что в них содержится смысл. В противном случае это будет пустое небокопчение.

– Те, кому положено знать, и без того знают, что здесь есть люди, – заметила Мария Тимофеевна.

– Может, они думают, что мы все тут померли? – не очень уверенно предположил молчаливый Бабилов. – А узнают, что мы живы, так, может, хотя бы харчишек подкинут?

– Если бы хоть кого-то на Большой земле интересовала наша судьба, так давно бы вертолет прислали, – ворчливо заметил Лев Иммануилович Кугель. – Хотя бы сверху на нас глянули. Посмотрели бы, как мы тут, живы или нет. А вы видели хотя бы один вертолет, Виктор Николаевич?

Бабилов вертолетов не видел.

– Для этого даже вертолет не требуется, – сказал Сергей. – На спутниковых снимках не то что людей, а номера машин разглядеть можно.

– Я думаю, продолжать обсуждать этот вопрос не имеет смысла, – подвел итог Гелий Петрович. – Можно было бы попытаться запускать воздушных змеев или шары, чтобы привлечь к себе внимание тех, кто находится снаружи. Но, по-моему, и без того ясно, что мы их не интересуем.

– Либо аномальная зона, в которой мы оказались, настолько опасна, что спасатели не в состоянии к нам пробиться, – высказал иную точку зрения Кузякин.

Какое-то время, минуту, а то и больше, все присутствующие молча переваривали его слова, пытаясь вникнуть в их глубинный, потаенный смысл.

Первым решился высказаться Володя:

– Но у нас же тут ничего ужасного не происходит. – Он посмотрел на пенсионеров, словно ища у них поддержки, и те согласно кивали.

– Мы находимся на крошечном пятачке, – возразил Кузякин. – И, по сути, не видим дальше собственного носа. Для нас все аномальные проявления сводятся к тому, что не работает связь. Ну, еще провал с жидкой грязью, отрезавший нас от всего остального мира. О том, что происходит за пределами микрорайона, мы не имеем понятия.

– А что там может происходить? – заинтересовалась Оля.

– Да, в принципе, все, что угодно, – пожал плечами Игорь Петрович. – Могут цвести банановые кусты, а могут бить фонтаны жидкой серы. То, что происходит в аномальных зонах, не поддается никакому разумному объяснению. Здесь даже время может течь вспять. – Кузякин едва заметно улыбнулся. – Кстати, не исключено, что именно с этим связано то, что мы все, как я вижу, стали чувствовать себя лучше.

После этих его слов вновь воцарилось молчание.

Соломон Юрьевич провел ладонью по лысине, на которой пару дней назад у него начал пробиваться робкий пушок. Волоски, которых прежде там не было, щекотали ладонь. И это был факт, от которого просто так не отмахнуться.

– Хочешь сказать, Игорь Петрович, мы все тут молодеем?

Кузякин снова пожал плечами. На этот раз молча. Ему действительно нечего было добавить к сказанному. Игорь Петрович точно знал, что без лекарств, которые закончились неделю назад, он уже должен был умереть. Однако вопреки всему, в том числе и здравому смыслу, он не только был жив, но и чувствовал себя не сказать, что замечательно, но вполне сносно. Он даже мог обходиться без обезболивающих. Будучи ученым, Игорь Петрович не верил во внезапное чудесное исцеление. В особенности от цирроза печени. Но и спорить с очевидными фактами он тоже не мог. Он был жив. Это было превосходно. Однако совершенно необъяснимо с научной точки зрения.

– Может, здесь просто климат здоровый? – высказал уже давно имевшееся у него предположение Володя.

– С чего бы ему быть здоровым? – усмехнулся Кугель. – Мы ж, можно сказать, на мусорной свалке живем. Все равно что бомжи какие.

– Из-за грязи! – этот вопрос у Володи тоже был продуман. – Грязь, которая провал залила, она же, может быть, целебная!

– Мы ж ею не мажемся.

– Зато испарениями ее дышим! Вот и здоровеем!

– Сколько ни здоровей, все равно, когда еда кончится, все помрем, – мрачно изрек Лев Иммануилович.

Скорее всего, он сказал это лишь для того, чтобы оставить за собой последнее слово в споре. Однако тем самым настроение всем он испортил основательно. Думать о том, что случится, когда закончится еда, никому не хотелось. По крайней мере, сейчас, когда еще было что есть.

Почувствовав похолодание общей атмосферы собрания, Гелий Петрович решил, что пора подводить итог, пока настроение у всех не упало и вовсе ниже нулевой отметки.

– Мы можем рассчитывать только на себя и полагаться лишь на собственные силы. – Изюмов улыбнулся и взмахнул крепко сжатым кулаком, наглядно демонстрируя недюжинную силу и незаурядный оптимизм. – Зато теперь у нас есть чем заняться!

Когда впереди лето, можно не думать о зиме. И даже делать вид, что она никогда не наступит.

Глава 10

1 июня. Утро

Хотя это и представлялось решительно невозможным, но Кузякин уверенно шел на поправку. Причем сам он не прилагал к этому ни малейших усилий. Более того, по вполне понятным причинам, ему даже пришлось отказаться от диеты, соблюдение которой для циррозника фактически вопрос жизни и смерти. Что уж тому послужило причиной – то, что время свихнулось и двинулось вспять, или же благотворное влияние грязевых миазмов – на последней версии решительно настаивал Володя, – но только Кузякин перестал думать о смерти. С каждым днем он выглядел все лучше и бодрее.

Впрочем, как и остальные старики.

Все они выглядели теперь гораздо здоровее и крепче, чем до того, как случился разлив жидкой грязи. Да и мозги у них, следует признать, стали работать намного четче и лучше. Может, и не как Кремлевские куранты, но уж как часы «Победа» – это точно. Если собрание, на котором присутствовали Сергей с Володией в день своего появления в Тринадцатом микрорайоне, откровенно напоминало лучшие сцены из фильма «Полет над гнездом кукушки», то теперь старики, прежде казавшиеся законченными маразматиками, очень даже внятно излагали вполне здравые мысли. По самым разным вопросам. Вплоть до решения Высшего церковного совета РПЦ объявить Сезон Катастроф расплатой за тотальное богохульство, а ответственность за это возложить на питерскую группу «Собачий Вальс», записавшую разухабистую песенку «БПП». Песню, правда, никто не слышал, но сам факт ее существования оскорблял шестое чувство всех православных радикалов и маргиналов.

Сергей стал частенько наведываться в квартиру номер двадцать один, в которой уже больше не пахло смертью. Теперь здесь казалось даже уютно среди книг и солнечного света. Сергею было интересно разговаривать с Кузякиным, человеком умным, эрудированным и рассудительным, имеющим собственное мнение едва ли не по любому вопросу. И, что особенно привлекало в нем Сергея, в отличие от остальных обитателей Тринадцатого микрорайона, Игорь Петрович думал не только о том, как им выжить в странной, в чем-то нелепой и даже абсурдной, но по большей части все же страшной ситуации. Кузякин хотел разобраться в самой сути происходящего.

Сергей оторвал взгляд от журнала, который он листал. Журнал назывался «Локус» и был полностью посвящен фантастике. В комнате у Кузякина имелись три большие стопки этого журнала – подписки за несколько лет. А среди книг на полках Сергей так же, к своему удивлению, обнаружил немало фантастики. В представлении Сергея фантастика никак не вязалась с образом маститого ученого с мировым именем.

– Фантастику принято считать подростковой литературой, – ответил Кузякин на вопрос Сергея относительно происхождения книг и журналов. – Что есть огромное заблуждение. Фантастика – удивительная литература, раскрепощающая разум и прививающая навыки нетривиального мышления. Скажу тебе по секрету: очень многие читают фантастику всю свою жизнь, но старательно скрывают это от коллег и даже от близких родственников. Потому что боятся насмешек. По-моему, именно такая скрытность и есть проявление инфантилизма. Мне кажется невообразимо глупым скрывать любовь к литературе, но при этом открыто заявлять, скажем, о своей религиозности. Вот уж что действительно не к лицу здравомыслящему человеку, так это полагаться на божью милость и бояться божьего гнева. Это в двадцать первом-то веке!

После этого разговора Сергей принялся штудировать «Локус». На английском языке. Исключительно ради того, чтобы попытаться понять логику Игоря Петровича. Хотя он и неплохо знал язык, поначалу дело шло туго. Из-за того, что тема была для Сергея совершенно незнакомая. Однако постепенно он втянулся. Тем более что занять свободное время все равно было нечем. Жизнь без телевидения, радио, Интернета и даже без мобильного – это, надо сказать, очень странная жизнь. К такому не сразу привыкаешь. Но зато потом начинаешь получать от жизни колоссальное, ни с чем не сравнимое удовольствие. Ты уже не плывешь в общем информационном потоке, пытаешься найти что-то дельное и отплываешь от всякой мерзости, что сама собой так и лезет в рот, а в нужный момент сам создаешь нечто вроде локального информационного поля или кокона. В котором спокойно, тепло и уютно. И пахнет фиалками. Так, по крайней мере, казалось Сергею. Хотя, наверное, ощущения у каждого были индивидуальные.

– Что вы пишете? – спросил Сергей у сидящего за столом перед компьютером Кузякина.

Игорь Петрович ткнул пальцем в клавишу, поставил точку и вместе со стулом развернулся к Сергею:

– Записываю все, что происходит.

– Абсолютно все? – удивился Сергей.

– Стараюсь, – улыбнулся Игорь Петрович. – Но, скорее всего, что-то, конечно же, упускаю. Так всегда – пытаешься одним взглядом окинуть всю картину, а внимание сосредоточивается на мелких, малозначительных деталях. Эдакий ментальный пуантилизм.

Последнюю фразу Сергей не понял и про себя отметил, что нужно будет выяснить, что собой представляет этот самый пуантилизм.

– А зачем?

– Я так полагаю, что эти заметки будут представлять собой огромную ценность после того, как все это закончится.

– Для кого?

– Ну, например, для всех нас. Поверь мне, если мы все это переживем, нам будет казаться странным, да что там, нам с трудом будет вериться, что все это происходило на самом деле.

– Это точно, – согласился Сергей.

– Кроме того, таким образом я рассчитываю вычленить аномальные составляющие нашей теперь ставшей обыденной жизни. Мне представляется это важным с научной точки зрения. Я пока и сам не могу объяснить это в точности. Для меня это, скорее, некое предчувствие... или, если угодно, предощущение... – Кузякин поднял руки на уровень груди. Пальцы его были согнуты и разведены, как будто держали некие невидимые предметы, что-то вроде двух прозрачных полусфер. А затем Игорь Петрович сделал движение, как будто наворачнул одну полусферу на другую. – Если нам удастся собрать все детали воедино, быть может, тогда мы сумеем понять, что же здесь происходит. А понимание сути проблемы – это, как известно, первый шаг к решению любой задачи.

– Вы полагаете, это поможет нам выбраться отсюда?

Игорь Петрович уперся локтями в колени, согнув спину, подался вперед и таинственно понизил голос:

– Я рассчитываю на нечто большее.

Сергей призадумался: нечто большее – что бы это могло означать?

Дело приобретало необычайно интересный оборот, и Сергей очень рассчитывал на продолжение разговора.

Но – не сложилось.

Конец всему положил влетевший в комнату Соломон Юрьевич Штейн.

Лицо его покраснелось, волоски, начавшие отрастать на голове, растрепались, глаза блеснули. Соломон Юрьевич даже не постучал, что было совершенно на него не похоже. Короче

говоря, он был вне себя от возбуждения. В довершение картины на груди у Штейна висел большой полевой бинокль.

– Она попыталась на меня напасть! – закричал он от двери.

Сергей и Игорь Петрович быстро переглянулись. В данный момент ход мыслей обоих был примерно одинаков. Первое: кто именно попытался напасть на Штейна? Местоимение «она» резко ограничивало выбор – это могла быть либо Ольга, либо Мария Тимофеевна. И то и другое казалось абсолютно нелепым. Второе: что послужило причиной нападения? И, наконец, третье: чем все это закончилось? Соломон Юрьевич был жив и вроде не пострадал. И это уже было хорошо. Но что с остальными участниками инцидента?

– Что случилось, Соломон? – спросил Игорь Петрович, старательно сохраняя внешнее спокойствие.

– Она чуть меня не схватила! – вскинул руку к потолку Соломон Юрьевич. – Это! – Он возмущенно вздернул плечи, так, что голова его почти провалилась между ними, и раскинул руки. – Это... это – чудовищно! – наконец-то нашел он нужное слово, в полной мере отражающее его чувства.

– Согласен с тобой, Соломон, – благоразумно не стал спорить Игорь Петрович.

Он очень деликатно взял Соломона Юрьевича за руку и усадил на стул.

– Дать тебе воды, Соломон?

– Не надо! – решительно отказался тот. Как будто Кузякин предлагал ему чашу с цикуттой.

– Так кто на тебя напал?

– Что? – непонимающе посмотрел на Кузякина Штейн.

– Ты вбежал с криками о том, что на тебя кто-то напал, – напомнил Игорь Петрович.

– Нет, – криво улыбнувшись, помахал рукой Соломон Юрьевич. – Я сказал, что она попыталась на меня напасть.

– Пусть так, – кивнул Игорь Петрович. – Кто это был?

– Кто? – как эхо повторил Штейн.

– Кто попытался на тебя напасть? – произнес Игорь Петрович, проявляя чудеса выдержки и самообладания.

– Грязь, – бросил Штейн.

– Кто? – не понял на этот раз Игорь Петрович.

Сергей тоже ничего не понимал, однако предпочитал помалкивать, дабы окончательно все не запутать.

– Так! – поднял руки с открытыми ладонями Соломон Юрьевич, будто призывая всех к вниманию. – Давайте обо всем по порядку. – Он аккуратно положил ладони на колени. – На меня попыталась напасть грязь из ямы.

Пауза. Непродолжительная, но выразительная.

– Из какой ямы?

– Из той самой, в которой автобус утонул. – Соломон Юрьевич кивнул на Сергея.

– За рулем находился не я, – на всякий случай уточнил Косарев.

– Что с грязью? – спросил Игорь Петрович.

– Она сошла с ума! – как будто с обидой всплеснул руками Соломон Юрьевич.

– По порядку, – напомнил ему Кузякин.

– Понял, – кивнул Соломон Юрьевич. – Значит, так. Сегодня я дежурил у провала...

Тут нужно сказать, что дежурство возле провала, в котором булькала горячая жидкая грязь, было заведено сразу после второго общего собрания граждан Тринадцатого микрорайона. Все светлое время суток у края провала должен был находиться один из жильцов, вооруженный большим полевым биноклем, который очень кстати нашелся у учителя природоведения Поперекина. Как правило, это был доброволец, кто-то не занятый на других работах. Смысл дежурства заключался в следующем. Во-первых, если вдруг – волшебное слово

«вдруг»! – на другом конце грязевой ямы кто-то появится, дежурный должен будет подать ему знак. Для этого у него при себе имелся зеленый флажок и судейский свисток. Во-вторых, провал постоянно увеличивался. И это, естественно, не могло не настораживать. По счастью, пока он разрастался в сторону Большой земли. Но не было никаких гарантий, что не начнется и обратный процесс. В таком случае дежурному следовало немедленно бить тревогу. Так вот, услышав о нападении грязи из ямы, Сергей с Игорем Петровичем одновременно подумали об одном и том же: Штейн стал свидетелем того, как провал начал пожирать территорию Тринадцатого микрорайона, и переполошился.

– Так вот, все началось в тот момент, когда я решил съесть кусок макаронной запеканки, оставшийся у меня после завтрака, – продолжал между тем Соломон Юрьевич. – Все дело в том, что у меня бывают проблемы с перевариванием мучной пищи, поэтому я стараюсь не есть ее сразу большими порциями. Съев всю макаронную запеканку сразу, я бы потом полдня...

– Мы все поняли про запеканку, Соломон, – перебил, не выдержав, Игорь Петрович. – И про твои желудочно-кишечные проблемы тоже. Давай, – он энергично крутанул ладонь, – переходи к делу.

– Так я о чем и говорю! – непонимающе вытаращился на него Соломон Юрьевич. – В столовой я съел только половину запеканки. А вторую взял с собой, завернув в пищевую фольгу.

Тут Кузякин понял, что лучше выслушать всю историю о макаронной запеканке, не перебивая рассказчика, иначе придется слушать ее еще раз, заново.

– Макаронную запеканку Мария Тимофеевна готовит отменную, – продолжал Штейн, – но съесть ее всю за один присест я просто не в состоянии. Не потому, что невкусно, а потому, что иначе у меня начнутся проблемы с желудочно-кишечным трактом. – Штейн приложил ладонь к животу, как будто призывая его в свидетели. – Прогуливаясь вдоль провала и то и дело поглядывая в бинокль на другую его сторону, я вдруг почувствовал желание съесть взятую с собой часть запеканки. Я достал ее из пакета, что был у меня с собой, развернул и начал есть. Фольгу же, в которую она была завернута, бросил в грязь. – Соломон Юрьевич настороженно посмотрел сначала на Кузякина, затем – на Сергея. И с подозрением спросил: – Вы внимательно следите за ходом моей истории?

– Да, конечно! – горячо заверили его оба.

– Так вот, я в одной руке держу запеканку, другой – кидаю фольгу в грязь. – Соломон Юрьевич постарался максимально достоверно изобразить, как именно это происходило. – И собственно, ничего особенного не ожидаю. Но тут-то оно как раз и происходит! Видите ли, друзья мои, я с детства отличаюсь исключительной наблюдательностью. Постоянно подмечаю всякие мелочи, на которые другие и внимания не обратили бы. А заметив, пытаюсь осмыслить причину происходящего! – Соломон Юрьевич многозначительно двинул бровями и поднял кверху указательный палец. – Так вот... – Штейн вдруг наморщил лоб, наклонил голову и пальцами потер морщины. – К чему это я?... – растерянно посмотрел он на слушателей.

– Фольга, – напомнил Сергей.

– Грязь, – подсказал Игорь Петрович, – которая на тебя напала.

– Ах, ну да, конечно! – радостно заулыбался Соломон Юрьевич. – Как я только мог забыть? Так вот, фольга, которую я бросил в грязь, стала тонуть! То есть медленно погружаться в грязь! Согласитесь, подобное невозможно! Грязь хотя и жидкая, но все же гораздо плотнее воды. Обрывок фольги просто не может в ней утонуть! Чтобы получше рассмотреть происходящее, я присел на корточки и подался вперед. Прошу обратить внимание на то, что в левой руке, – Соломон Юрьевич поднял и продемонстрировал слушателям свою левую руку, – у меня все еще оставалась замечательная макаронная запеканка. Так вот, наклонившись вперед, я внимательно наблюдал за тем, как брошенный мною кусочек фольги медленно погружается в грязь. Вы можете мне не поверить, но создавалось впечатление, будто грязь засасывает фольгу.

Как будто это было живое существо. Я имею в виду грязь. Нечто вроде гигантской амёбы... Игорь Петрович, тебе не доводилось слышать или читать о чем-то подобном?

Кузякин отрицательно качнул головой.

Сергей же вспомнил, что совсем недавно читал о подобном живом существе – огромном, бесформенном и поедающем все, до чего было способно дотянуться, – в одном из номеров «Локуса», в рецензии на новую книгу какого-то малоизвестного автора. Но пока он решил об этом промолчать. Подумав, что если даже Соломон Юрьевич и почитывает втихаря фантастику, то все равно не признается в этом.

– И это все? – спросил несколько разочарованно Игорь Петрович.

История про утонувшую в грязи фольгу была действительно несколько странной, но совсем не той, что он ожидал. Или, лучше сказать, не соответствовала тому экзальтированному состоянию, в котором пребывал Штейн, возникнув на пороге комнаты.

– Если бы! – взмахнул обеими руками Соломон Юрьевич. – Это только начало!

– Тогда, может быть, давай перейдем к делу? – предложил Игорь Петрович, которому совсем не улыбалась перспектива еще раз выслушать историю про макаронную запеканку и кусок фольги, в которую она была завернута.

– А я что делаю? – снова взмахнул руками Соломон Юрьевич. – Я же не мог опустить то, с чего все началось! Иначе вам же было бы непонятно! Так, значит, я присаживаюсь на корточки у края ямы с грязью и чуть наклоняюсь вперед, чтобы лучше рассмотреть, что происходит с тонущей в грязи фольгой. – Штейн вскочил со стула и присел на корточки, чтобы вживую продемонстрировать, как все это происходило. – В левой руке у меня, не забывайте, запеканка! – Он показал слушателям, а теперь еще и зрителям сжатую в кулак руку. – Я смотрю на фольгу. Фольга медленно тонет. Грязь, как я уже сказал, будто засасывает ее в себя. И тут прямо рядом со мной в грязи начинает расти... Скажем так – нечто! Поначалу я принял было это за один из тех пузырей, что время от времени вздуваются и лопаются на поверхности грязевого разлива. Краем глаза наблюдая за этим самым «пузырем», я вдруг обращаю внимание на странную вещь! – Соломон Юрьевич вскинул вверх указательный палец и сделал многозначительную паузу. Впрочем, длилась она недолго. Штейну и самому не терпелось рассказать о том, что же произошло дальше. – Пузырю давно бы пора было лопнуть, а он все продолжал расти! – Снова короткая пауза, рассчитанная чисто на театральный эффект. – Причем он рос только вверх! – Соломон Юрьевич сложил пальцы правой руки в виде чаши, перевернутой кверху дном, и, плотно обхватив пальцами нечто незримое, потянул его вверх. – Это был уже не пузырь, а что-то вроде пенька грязи с округлым верхом. Выглядело это настолько необычно, что я замер, не зная, что делать. И в этот момент грязевой вырост метнулся в мою сторону! – Пальцы правой руки обхватили кулак левой. – Не забывайте, в левой руке у меня все еще находилась макаронная запеканка! – торжественно провозгласил рассказчик. – На нее-то, как оказалось, и охотился этот грязевой вырост! Это Нечто, прячущееся в грязи! Оно выхватило у меня из руки запеканку и вместе с ней исчезло! – Штейн спрятал правую руку за спину. – Вновь растворилось в грязевой луже! – Еще одна точно выверенная пауза. – Я же в ужасе отшатнулся назад, упал на спину и так пролежал какое-то время, приходя в себя после случившегося. Страшно было даже подумать, что я сам мог оказаться на месте макаронной запеканки!

– В каком смысле? – не понял такой аналогии Сергей.

– Грязевой монстр мог схватить меня за руку и утянуть за собой в глубину! – Соломона Юрьевича аж передернуло от одной только мысли о подобной перспективе. – В общем, придя в себя, я тут же вскочил на ноги и побежал к тебе, Игорь Петрович! В надежде, что ты, как человек с научным складом ума, дашь рациональное объяснение произошедшему!

Соломон Юрьевич закончил свой рассказ, тяжело поднялся на ноги и сел на стул.

Игорь Петрович стоял напротив него, прислонившись к письменному столу. Руками он плотно обхватил себя за плечи, а на ладонь левой руки, оказавшуюся на правом плече, положил

голову. Он внимательно, изучающе смотрел на Штейна. И от взгляда этого Соломону Юрьевичу сделалось почему-то не по себе.

– Это все произошло на самом деле, Соломон? – спросил наконец Игорь Петрович. – Ты ничего не выдумываешь? Не преувеличиваешь?

– Клянусь! – Штейн вскинул к плечу руку с раскрытой ладонью, а затем припечатал ее к груди.

Более он ничего не сказал.

– Идем! – сорвался с места Игорь Петрович.

Как будто только этого и ждал.

Глава 11

1 июня. День

- Мы к провалу? – спросил Сергей, сбегая следом за Кузякиным вниз по лестнице.
- Сначала – в магазин, – ответил Игорь Петрович. – Нужно достать что-нибудь съестное.
- Гелий не даст, – уверенно заявил Соломон Юрьевич.
- Для науки, – уточнил Игорь Петрович.
- Все равно не даст, – стоял на своем Штейн.

Сергей не стал высказывать своего мнения на сей счет, но мысленно был на стороне Соломона Юрьевича.

Они свернули за угол и оказались возле входа в магазин, ныне превращенный в хранилище, которым заведовал Гелий Петрович Изюмов.

– Подождите меня здесь, я с Гелием с глазу на глаз переговорю, – сказал Кузякин и скрылся за дверью.

– Как там Лыков? – спросил, присаживаясь на ящик, Соломон Юрьевич. – Я что-то не видел его в столовой.

– Он и не показывается, – ответил Сергей. – Прячется у себя в квартире.

– Много добра у него нашли?

– Достаточно, чтобы открыть небольшую продуктовую лавочку. Лыков, пройдоха тот еще, первым смекнул, что нужно продуктами запастись. И похоже, все свои сбережения на это угрохал.

– И что же, все добровольно отдал?

– Какое там! В квартиру пускать не хотел. Пришлось замок взламывать. Так он еще и продукты эти повсюду попрятал. В шкафы, на полки, под диван... В одном месте даже пол вскрыл и под половицы консервных банок натолкал... Костерил нас на чем свет стоит!

– Ну в принципе он прав, – кивнул Соломон Юрьевич. – Он все это купил открыто, в магазине, на честно заработанные деньги. Хотя, конечно, с другой стороны, прятать от остальных еду под полом – это полнейшее свинство.

– Вот-вот, – согласился Сергей. – Мы ему примерно так и сказали. И деньги из магазинной кассы Ольга ему вернула.

– Так чего же он в столовую не ходит?

– Откуда ж мне знать? – пожал плечами Сергей.

– Может, голодовку объявил? В знак протеста?

– Нет, не думаю, – едва заметно качнул головой Сергей. – Не тот это человек, чтобы самого себя голодом уморить. Скорее всего, мы не все его запасы выгребли. Что-то еще осталось по сусекам. Вот он, куркуль, и жует сейчас это втихаря.

– Нелогично, – не согласился Соломон Юрьевич. – Следуя его понятиям, собственные продукты надо бы оставить на крайний случай. А пока питаться вместе со всеми.

– А что, если они у него скоропортящиеся? Вот он загодя и отъедается.

– Все равно, надо бы его проведать, – сказал, подумав, Соломон Юрьевич. – Мало ли что...

– Вы пойдете? – спросил Сергей.

– Ну, если надо, то схожу, – без особого энтузиазма согласился Соломон Юрьевич.

Разговор оборвался, когда из магазина вышел Игорь Петрович.

– Видали? – довольно улыбаясь, показал он шоколадный батончик. – Гелий – человек понимающий!

– А удочка тебе зачем? – спросил Штейн, взглядом указав на то, что Кузякин держал в другой руке.

– Будем твое Нечто на живца ловить, – ответил Игорь Петрович.

– Тогда бы и фотоаппарат нужно прихватить, – сказал Сергей.

– У тебя есть?

– Да.

– Тогда – бегом, – кивнул в сторону подъезда Игорь Петрович. – Хотя постой! – тут же окликнул он рванувшего было с места в карьер парня. – Мне тоже кое-что взять надо. Жди нас здесь, Соломон, мы мигом. – Он сунул в руку Штейну складную удочку.

Они действительно вернулись быстро. Сергей – с небольшим цифровым фотоаппаратом, который все время возил с собой в командировки, на всякий случай: вдруг что интересное на глаза попадется, что потом в Сеть выложить можно будет. В провинции много чего забавного встречается. Как-то раз ему удалось запечатлеть указатель, нацеленный на церковь, на котором псевдославянской вязью было выведено: «Дорога к Х. аму». Потерялась всего одна буква, а надпись заиграла новыми красками, приобретя куда более глубокий философский смысл, нежели прежде. У Игоря Петровича в руках был пакет, в котором что-то негромко позвякивало. На немой вопрос Соломона Юрьевича он ответил, что это посуда для образцов, которые, возможно, потребуется взять.

Теперь, будучи во всеоружии, они направились напрямик к провалу, затопленному жидкой грязью, насчет которой у мирных в целом обитателей Тринадцатого микрорайона появились очень нехорошие подозрения.

Провал выглядел как обычно. Светло-коричневая жидкая грязь ровным слоем заполняла его, лишь самую малость не доставая до обломанных краев асфальтового покрытия дороги, которая когда-то соединяла Тринадцатый микрорайон с городом. Время от времени на влажной, будто маслянистой поверхности вздувались пузыри размером в два больших кулака, лопающиеся с влажным чмоканьем. А порой, очень редко, по грязи разбегались едва заметные концентрические круги, как будто где-то глубоко случился несильный толчок. Что на самом деле было тому причиной – загадка, ответ на которую был спрятан, должно быть, на самом дне грязевого бассейна. Будто обкусанные, края провала настолько далеко расползли друг от друга, что противоположный берег терялся в туманной дымке. Рассмотреть, что там происходит, можно было только в бинокль. Хотя, по сути, и смотреть-то было не на что – ничего не происходило. Вообще ничего. Как будто по ту сторону провала на многие километры простиралась безжизненная пустыня. Выжженная не то напалмом, не то радиацией, не то какой другой смертоносной гадостью вроде «эйджент орандж».

Остановившись у самого края, Игорь Петрович посмотрел на грязевой разлив, не увидел ничего нового и перевел взгляд на Соломона Юрьевича.

– А что ты на меня так смотришь? – непонимающе развел руками тот.

Игорь Петрович хмыкнул, эдак неопределенно, присел на корточки и провел ладонью над самой коричневатой гладью. Грязь будто встрепенулась и поднялась небольшим бугорком, который прокатился по поверхности следом за ладонью. Игорь Петрович убрал руку и снова хмыкнул. На этот раз очень даже определенно.

– Ну, что скажешь? – нетерпеливо осведомился Соломон Юрьевич.

– Ничего не скажу. – Игорь Петрович зачем-то вытер ладонь о штанину и поднялся на ноги. – Для того чтобы делать выводы, нужно хоть что-то понять. А я пока ничего не понимаю.

– Но ты видел?... – Соломон Юрьевич рукой указал на грязь.

– Конечно, видел, – спокойно ответил Игорь Петрович. – Я же не слепой.

Он взял из рук Штейна удочку и раздвинул ее примерно на половину длины. Затем достал из кармана шоколадный батончик, снял с него упаковку, отломил кусочек и насадил на крючок. Выбросив удочку вперед, он стал медленно разматывать катушку с леской, осторожно опуская наживку вниз.

Соломон Юрьевич переместился поближе к Сергею и ткнул его локтем в бок.

– Ну, как? – спросил он шепотом, как будто боясь вспугнуть добычу.

Сергей непонимающе посмотрел на Штейна и честно признался:

– Не знаю.

Соломон Юрьевич заговорщицки подмигнул парню и присел на корточки, чтобы лучше видеть, что происходит возле самой поверхности.

Поначалу не происходило ничего. Но когда расстояние между наживкой и грязью сократилось примерно до тридцати сантиметров, по влажной поверхности пробежала легкая, едва заметная рябь. Игорь Петрович приостановил движение катушки. Наживка замерла, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Рябь на поверхности грязи не успокаивалась. Но и не становилась сильнее. Игорь Петрович опустил наживку еще на пару сантиметров. Рябь заметно усилилась. Когда между наживкой и грязью осталось чуть более двадцати сантиметров, на поверхности образовался вырост толщиной в руку взрослого мужчины, с округлой вершиной, похожей на крепко сжатый кулак. Он потянулся было за шоколадкой, но Кузякин дернул удочку вверх. Грязевой кулак на несколько секунд замер, будто в нерешительности, а затем начал опускаться. Странный вырост как будто растворялся в общей грязевой массе, обращаясь в ничто или нечто, не имеющее определенной формы.

Боясь упустить добычу, Игорь Петрович поспешно опустил наживку. Рукообразный вырост рванулся вверх. На вершине его образовалось воронкообразное расширение, которым он обхватил кусок шоколадки и стремительно, но при этом по-своему изящно, почти без рывка снял наживку с крючка. В ту же секунду поверхность грязи вновь сделалась гладкой, как простыня, по которой прошли утюгом.

– Супер! – восхищенно выдохнул Сергей.

– Что ты хочешь этим сказать? – непонимающе посмотрел на него Соломон Юрьевич.

– Ничего, – качнул головой парень. – Нет, правда, ничего.

– Зачем же ты тогда это сказал? – подозрительно прищурился Соломон Юрьевич.

– Не знаю, – пожал плечами Сергей.

Штейн недоверчиво хмыкнул. Но больше ни о чем спрашивать Сергея не стал. Его интересовало мнение Кузякина.

– Это гриб?

– Какой еще гриб? – Игорь Петрович сматывал леску, сложил удочку и кинул ее Сергею.

– Чайный гриб. – Соломон Юрьевич руками нарисовал в воздухе круг. – Бросаешь его в чай, сыплешь сахар, и он растет. Есть пространство вокруг – растет в ширину, нет – в толщину.

– Возможно, нечто похожее, – подумав, согласился Игорь Петрович.

Он достал из кармана шоколадку и отломил от нее еще кусочек. Отойдя на три шага в сторону от того места, где грязевой вырост сорвал наживку с крючка, Игорь Петрович кинул шоколадку в грязь. Кусочек еще был в воздухе, когда на поверхности образовался новый вырост, на лету схватил угощение и вместе с ним растворился в грязи.

– А что же он тут ест? – озадаченно почесал в затылке Соломон Юрьевич. – Ну, в смысле, когда его никто шоколадом не подкармливает?

– Интересный вопрос, – согласился Игорь Петрович. – Вон ведь какой здоровый вымахал.

– Вы полагаете, что это все... – Сергей махнул рукой в сторону противоположного края провала и вдруг сообразил, что не знает, как назвать то, что простиралось перед ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.